

Привет.

Спасибо Google Book Search, библиотеке Гарвардского колледжа и всемогущему интернету за то, что вы сейчас имеете возможность читать эту книгу.

Распознано и вычитано по мере скромных возможностей и способностей.

Пожалуйста, сообщайте об опечатках:

irishsiberian@gmail.com

Прочие оолоирландские тексты, к которым я приложил руку, можно найти по адресу:

<http://www.ulster.ru>

<http://erin-go.livejournal.com>

Записки императорского новороссийского университета

Том сорок шестой

изданный под редакцией орд. проф. А. А. Кочубинского

Одесса
Типография «Одесского вестника», Екатерининская улица, дом Бубы
1888

Судьбы Ирландии¹

Приват-доцента Г. Е. Афанасьева

I.

В течение последних лет Ирландия с её отношениями к Англии приковывает к себе внимание всего образованного мира. В самом деле, раз мы признаем, что Англия — страна из наиболее образованных в Европе, страна передовая в смысле цивилизации, то естественно удивляться, что в зависимости от этой страны находится народ, в котором мы находим такую громадную бездну страданий, влекущих в свою очередь бездну вражды и ненависти по отношению к его поработителям. В чём же кроется причина этого? Что за притча? Неужели народ, сумевший так хорошо разрешить наиболее важные вопросы государственного права у себя дома, не мог и не может разрешить этих вопросов в стране, веками с ним связанной. С первого взгляда можно было бы подумать, что борьба за жизнь и смерть между этими двумя народами является следствием лишь известных ненормальных экономических отношений. Но это только с первого взгляда. Если же ближе

---

¹ Настоящая статья составляет содержание публичных лекций, читанных 7-го, 14-го и 21-го марта 1887 года.

Для желающих более подробно ознакомиться с историей Ирландии, я могу указать на следующие сочинения, которыми я пользовался при составлении этой статьи.

1. Hassenkamp. Geschichte Irland's von der Reformation bis zu seiner Union mit England. Leipzig 1886. В одном томе. Сочинение обстоятельное, хотя несколько сухое и без достаточной группировки фактов по их однородности. Автор слишком увлекается хронологической последовательностью.

2. Herve. La crise Irlandaise depuis la fin du dixhuitieme siecle jusqu'a nos jours. Paris 1885. В одном томе. Эта книга представляет собою по изложению противоположность книге Гассенкампа. Написана живо и довольно кратко; изложение дела ясное и немногословное. Герве поместил еще в 1880 г. в *Revue des deux Mondes* статью «Les origines de la crise Irlandaise», в которой он рассказывает историю Ирландии во время французской революции. Статью эту Гассенкамп справедливо называет «блестящею».

3. H. de Chavannes de la Giraudiere et Huillard-Breholles. L'Irlande, son origine, son histoire et sa situation presente. Tours 1867 г. В одном томе. Сочинение написано в католическом духе. Оно хорошо для первоначальной истории Ирландии. Читать следует с осторожностью.

4. Lechy. Geschichte England's im 18 Jahrhundert. Немецкий перевод с английского Lowe, в 4 томах. Сочинение это еще не кончено. Оно, по словам Гассенкампа, составляет, по беспристрастному и внимательному отношению к Ирландии, исключение между английскими историческими сочинениями.

5. Beaumont. L'Irlande politique, sociale et religieuse. Paris. 2-me edition 1881 г. В двух томах. Первое издание этого сочинения вышло в 1839 году. Оно очень богато материалом для картины общественных отношений Ирландии и удостоено премии Французской академии.

6. Perraud. Le bill des tenenciers. Paris 1860. Небольшая брошюра; но очень ценная по яркости картины, изображающей положение ирландского земледельца, накануне издания закона Кордуэля. Этому же автору принадлежит другое сочинение «Etudes sur l'Irlande contemporaine».

7. В. В. Сокольский. Аграрный вопрос в Ирландии. *Заграничный Вестник* 1882 года. Эта статья представляет собою краткий исторический очерк поземельных отношений в Ирландии. Интересны указания на роль национального момента в этих отношениях.

8. Я. Я. Зиберо. Аграрный вопрос в Ирландии. *Юридический Вестник* 1882 года. Эта статья представляет собою реферат протоколов парламентской комиссии 1881 года, назначенной для исследования земельных отношений в Ирландии. Она заключает в себе крайне интересные данные о теперешнем положении ирландских арендаторов и об их воззрениях на земельные отношения. Ценны и замечания Н. И. Зиберы об этих отношениях.

9. Paul Fournier. La question agraire en Irlande. Этого сочинения я не имел под руками; его очень хвалят г. Сокольский и г. Герве за богатство материала и его обработку.

10. Anat. Leroy-Beaulieu. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone. *Revue des deux Mondes* 1881 г.

11. Philippe, comte de Paris. L'Eglise d'etat et l'eglise libre en Irlande. *Revue des deux Mondes* 1868. Эта статья написана графом Парижским, теперешним претендентом на французскую корону, под псевдонимом Ксавье Реймон. Она появилась по поводу билля Гладстона об отделении церкви от государства в Ирландии.

Этот список далеко не исчерпывает всего, что можно найти по истории Ирландии. Желающие заняться ею еще более обстоятельно могут с удобством воспользоваться библиографическим указателем источников и пособий по ирландской истории, помещенным в конце упомянутой выше книги Гассенкампа.

вглядеться в характер этой вековой ненависти и борьбы, то придется признать, что только одними экономическими отношениями объяснить эту задачу невозможно, потому что если взять в расчёт все несомненные заботы Англии об улучшении экономического положения Ирландии, заботы, проявившиеся в каких-нибудь полтора десятка лет последнего столетия, то следовало бы ожидать, что ненависть ирландцев к англичанам должна была бы исчезнуть и не иметь уже более места. На самом же деле мы этого не видим. Значит, нужно в другом месте искать причину этой вековой вражды. Если мы посмотрим на дело не только с точки зрения экономической, но также с точек зрения национальной, политической и религиозной, то мы убедимся, что Ирландский вопрос на самом-то деле задача далеко не такая простая, что, наоборот, это явление очень сложно и состоит из сплетения экономических, национально-политических и религиозных отношений, сложившихся целым рядом поколений. Разъяснения, поэтому, ирландского вопроса необходимо искать в прошлом этого народа и в нём же поискать ответа на загадку.

Я считаю лишним утомлять внимание читателя подробным изложением всей истории Ирландии в её деталях, а буду иметь в виду лишь те главные факты из истории отношений между Англией и Ирландией, которые будут служить нам как бы сигнальными знаками по пути следования к выяснению судеб Ирландии до настоящего времени.

Для разрешения поставленной мною задачи нет надобности начинать, что говорится, с Адама. Для нас будет вполне достаточно, если мы ограничимся только тем, что, сделавши общий очерк средневековой истории Ирландии, подведем итог её к XVI ст. Этого будет, я думаю, достаточно. Подробнее нам нужно будет остановиться на XVII и XVIII веках, и особенно на том, что предпринято было по отношению к Ирландии в XIX столетии.

Прежде всего, следует остановить внимание на факте, который весьма важно с самого же начала верно оценить. Я говорю о столкновении на почве Ирландии двух рас. Когда норманны появились в Ирландии и затем, как пишется в учебниках, «покорили» её (на самом деле покорения-то никакого не было, кроме незначительной восточной части острова), то тут столкнулись два народа — один, который предполагался варварским, диким, другой — цивилизованный, который должен был будто бы культивировать диких туземцев. На самом же деле произошло нечто обратное; мы встречаемся здесь с такого рода фактом, который прямо говорит против культурного превосходства победителей над побежденными. Обыкновенно когда сталкиваются два народа, стоящих на различных ступенях культуры, то тот из них, который стоит на низшей ступени, — особенно если разница значительна, — усваивает себе нравы, обычаи, одним словом, культуру того более цивилизованного народа, с которым он столкнулся. И это усвоение чужой культуры происходит не искусственным, а вполне естественным, безболезненным путем; в таком случае получается, можно сказать, выгода для всего человечества: цивилизация приобретает новых адептов, а вновь культивированный народ приобщается этой цивилизации, не теряя, впрочем, из своего старого ничего того, что заслуживает сохранения. Если бы, следовательно, норманны были более цивилизованы, чем ирландцы, то последние должны были бы усваивать себе культуру норманнов, между тем мы знаем факты из XIV еще столетия, которые говорят обратное. Так Килькенский статут Эдуарда III, относящийся к 1367 г., гласит, что всякий англичанин, который будет одеваться по-ирландски в светло-желтые платья, будет стричь бороду по-ирландски, женится на ирландке, будет давать своим детям при крещении ирландские имена, вообще будет усваивать себе ирландские обычаи, нравы, язык, то такой англичанин будет наказываем как за преступление государственной измены, т. е. колесованием живьем. Является вопрос: почему и зачем представилась надобность в подобного рода статутах в XIV еще столетии, т. е. два столетия после так называемого «покорения» острова?.. Очевидно,

значит, что мы имеем здесь дело не с подчинением ирландцев норманской культуре, а скорее с явлением обратным, т. е. с кельтизированием англичан. Этот важный и интересный вопрос получил свое разрешение в последнее время, когда англичане сняли запрет с древних актов, уясняющих историю Ирландии. — Так законы брегонов — так назывались древнеирландские вещатели права — доказывают нам, что ирландцы вовсе не стояли на такой низкой степени культуры, на какой их ставят некоторые историки, что, наоборот, образованность ирландцев была довольно высокою. Ясное дело, следовательно, что коль скоро норманны столкнулись с таким народом, то не могли, да и излишне было им проявлять свое цивилизаторское влияние. Факт кельтизирования германской расы в Ирландии не удивляет меня. Он не одинок. Германская раса вообще на западе потерпела большой урон. Обратим наше внимание на то, что сделалось вообще с германской расою при столкновении её на западе с кельтической романизированной расой. Нам невольно бросается в глаза однообразие, так сказать, участи этой расы. Италию заняли Ост-Готы и Лонгобарды. Где они теперь? Испанию населили Аланы, Свевы, Вандалы, также Вест-Готы. Где они? Францией овладели Франки, Аллеманы, Бургунды, отчасти и Вест-Готы. Куда они девались? — Все они потеряли свой облик и поглощены кельто-романской цивилизацией. В Англии саксы сталкиваются сначала с кельтическим населением; затем появляются норманны, и вся эта смесь дала в результате английскую нацию, в языке которой преобладает элемент романский, а не германский.

Вследствие этого, преувеличенное представление, которое имеется об какой-то особенной способности немцев подчинять другие народы своей культуре, немечить их, должно быть подвергнуто весьма значительному ограничению. Это представление верно лишь постольку, поскольку оно касается отношений немцев к нам, славянам, да и то далеко не безусловно.

Я возвращаюсь к англо-ирландским отношениям. Для Англии, отвлекаемой внешними и внутренними замешательствами, наступили времена неблагоприятные для расширения своего господства, и Ирландия вплоть до конца XV ст. остается независимой. Одна только восточная часть её находилась в руках англичан, вся же остальная часть острова остается в руках ирландцев, которые делились на кланы (округа), управляемые каждый отдельным шаном (князем); земля принадлежала всему клану и обрабатывалась членами этого клана на известных условиях и с известными обязательствами по отношению к шану. Существовали у них известные формы судопроизводства, причём за всё назначался денежный штраф, как и у славян и германцев.

Когда междоусобия в Англии окончились, она опять принимается за Ирландию и достигает того, что при Генрихе VII Ирландия подчиняется английским королям, сохраняя, впрочем, за собою автономию, о характере которой мы скажем после.

В XVI ст. отношения между ирландцами и англичанами осложняются новым элементом религиозным. Сначала движение религиозное не имело большого значения. Генрих VIII, как известно, ограничился сначала лишь присвоением себе церковной супрематии и не коснулся существенных догматов веры. Когда же при его сыне и преемнике Эдуарде VI реформация развилась и приобрела более лютеранский характер, то введение её в Ирландию встретило упорное сопротивление. Сделано было английским правительством распоряжение, что ирландское духовенство должно непременно признавать духовную супрематию короля; велено было также перевести на ирландский язык Prayer-book и отправлять по нём богослужение; единственная уступка, которую Эдуард VI нашел возможным сделать католикам, состояла в том, что ирландцам позволено было при евхаристии употреблять по прежнему латинский язык. Эти усилия во что бы то ни стало распространить реформацию в Ирландии приостановились со вступлением на престол Марии Тюдор, когда и в самой Англии наступает католическая

реакция. Интересно то обстоятельство, что в то время, когда в самой Англии горят костры, массами истребляющие протестантов, в Ирландии мы не видим религиозных преследований и вообще не замечаем проявлений религиозного фанатизма. В Дублине открыто совершается протестантское богослужение.

Но вот наступает царствование Елизаветы, которое англичане так любят прославлять и которым гордятся. Для Ирландии царствование это было очень тяжелым. Уже в 1560 г. появляется статут, которым требовалось, что бы супрематия короля в делах церкви признавалась всеми безусловно, и всякий, кто будет признавать какую-либо иностранную супрематию (папы), наказывается в первый раз лишением имущества, а во второй — смертью. Естественное дело, что при таких условиях вражда ирландцев к англичанам становилась всё сильнее и сильнее, а также параллельно с этим сильнее и напряженнее становилось стремление их к национальной независимости. В течение одного только XVI ст. мы видим в Ирландии семь восстаний; все они кончаются неудачей, но после каждой неудачи ирландцы как бы вновь воодушевляются ненавистью к англичанам и поднимаются с новой силою. Восстания эти особенно были сильны на юге Ирландии — в Мунстере и на Севере—в Ульстере.

Восстания находили себе поддержку и питание, кроме вековой вражды ирландцев к англичанам, и в континентальных отношениях XVI ст. Вспомним, что вторая половина XVI столетия европейской истории есть время страшной религиозной борьбы, это время Варфоломеевской ночи, время Филиппа II, Гизов и Альбы, Вильгельма Оранского и Колинии, время отчаянной борьбы Нидерландцев за свою религию и свободу, и мы поймем, что и Ирландия, являвшаяся ареною борьбы между католицизмом и протестантизмом, не могла остаться чуждой этому движению века. К тому же, на Елизавету смотрели в Европе, как на представительницу протестантизма, вредить которой представлялось очень заманчивым и выгодным для представителей католицизма (папы, Филиппа II), а Ирландия являлась очень удобною почвой для таких политических интриг. В самой Ирландии нашлись авантюристы, готовые воспользоваться таким положением вещей. Один из них Стуклей предложил папе Григорию XIII сделать сына его Джакомо Бонкомпанию королем Ирландии, папа одобрил план Стуклея и дал ему денег, но последний с набранным войском отправился вместо Ирландии в Португалию и забыл о своем первоначальном плане и о папском сыне. Он принял участие в экспедиции в Африку, где и сложил свою буйную головушку. Другой авантюрист Яков Фицморис обратился также к папе и испанскому королю Филиппу II за помощью; появился за тем в Ирландии и поднял восстание в Мунстере. Нельзя сказать, что бы Фицморис пользовался особенным влиянием на ирландцев, но когда восстание было подавлено, то обнаружилось обстоятельство, дававшее повод подозревать в сочувствии к восстанию графа О'Десмонда. От последнего потребовали заложников, которых он отказался дать, и вместе с тем поднял восстание в своем графстве. И это восстание было подавлено англичанами; Мунстер был разорен, и 30 000 людей погибло если не от оружия англичан, то от голода. Победители разоряли целые деревни, чтобы не было пристанища восставшим, сжигали скирды хлеба и сена, чтобы лишить их средств продолжать борьбу. Словом, англичане действовали без разбора средств: не мытьем, так катаньем доконали восставших мунстерцев.

Когда происходит восстание на юге Ирландии, в то же время на севере восстание поднимается О'Нилем, графом Тирона, человеком, пользовавшимся влиянием на весь Ульстер. Против него был отправлен любимец Елизаветы Эссекс. Успех остался однако на стороне О'Нила, и Эссэкс вступил в переговоры. Свидание между ними было довольно оригинально. Оба предводителя съехались к реке с противоположных сторон. О'Нил верхом въехал в воду, пока вода не достигла седла и отсюда начал переговоры с Эссэксом,

не подъезжая к нему ближе столько же из почтения, сколько из опасения измены. Переговоры кончились уступками со стороны Эссекса. Договор этот не был утвержден Елизаветой и навлек на Эссэкса её немилость. — Против О'Ниля был назначен новый полководец Маунтджой. Маунтджой действовал всей массой своих войск сосредоточенно, не рассеивая их мелкими отрядами, устраивая как можно больше фортов и подвигаясь медленно шаг за шагом вперед. Система его состояла в опустошении повсюду жилищ восставших, насколько упорна была борьба и значительна сила О'Ниля, которому помогли притом папа Климент VIII и Филипп II, видно из того, что когда он согласился смириться, ему дали пощаду и, кроме того, возвратили ему все земли, отнятые у него раньше. Было предоставлено также право католикам, живущим на его земле, отправлять свое богослужение. Если Елизавета вынуждена была на такие уступки, то мы можем отсюда заключить, насколько сильны были еще начальники ирландских кланов и как далеко еще было до полного порабощения Ирландии.

Резюмируя всё сказанное нами до сих пор, мы видим, что в конце царствования Елизаветы, т. е. в начале XVII в. отношения англичан к ирландцам представляются в следующем виде: во 1), большая часть Ирландии (Мунстер, Лейнстер и Ульстер), хотя и подчинена Англии, но не вполне, а во 2), борьба сопровождается сплошным опустошением покоряемых областей и сильными жестокостями. В одном графстве Тирон до 3 000 человек погибло от голода. На дороге от него на пространстве 15 миль было найдено 1 000 человеческих трупов. — Такой характер борьбы еще более разжигал взаимную ненависть двух народностей и без того уже враждебных друг другу в силу прежних отношений. Третий факт — это стремление англичан к систематическому обезземеливанию ирландцев. Первый акт в этом отношении произошел при Марии Тюдор. После восстания ирландцев при Эдуарде VI Мария Тюдор наказывала восставших отнятием их земель. То же самое мы видим при Елизавете, когда войскам, подавлявшим восстание в Ульстере, давалось каждому кавалеристу 240 моргов земли, а пехотинцу по 120 моргов. — Система конфискаций и стремление англичан захватить ирландские земли продолжались и позже и особенного развития достигли при Стюартах.

В начале XVII ст. на престол Англии вступает Яков I. Ирландцы надеялись, что сын той самой королевы Марии, которая погибла только потому, что была католичкой и пользовалась любовью католиков, что сын её окажется более снисходительным к ним, чем его предшественница Елизавета. Но надеждам этим не суждено было сбыться. Яков I, человек узколобый и деспотического нрава, предпочел, в виду того значения, какое англиканская церковь придавала королю, отстаивать во что бы то ни стало основные положения этой церкви. Пороховой заговор только усилил нерасположение к католикам и ухудшил их положение. — В Ирландии он отозвался религиозными преследованиями.

Вместе с тем, именно при Якове создается план систематической колонизации Ирландии английскими землевладельцами и производится разрушение древней организации ирландского клана. Наместник Ирландии лорд Чичестер издает королевскую прокламацию, объявляющую членов клана свободными от подчинения начальнику клана. Этим хотели ослабить значение шанов и ослабить силу народа, крившуюся в древней организации. — Затем Чичестер подает в Лондон проект, что, по его мнению, лучшим средством для колонизации англичанами Ирландии было бы, если бы те колонисты, которые теперь массами отправляются в Америку, заселяли Ирландию. Чтобы она стала такою Америкой, он находит возможным отдавать им излишек земель, которые окажутся за наделом ирландских землевладельцев. В Лондоне, однако, проект этот был переделан в том смысле, чтобы просто наделять англичан землями в Ульстере, не обращая внимания на ирландцев. Участки в тысячу и полторы тысячи акров передавались пресвитерианам и сектантам-англичанам. Находили возможным раздавать англичанам эту землю на том

основании, что предводители некоторых кланов, участвовавшие в восстании, бежали, а потому и земля считалась свободною. Напрасно протестовали жители этих кланов, говоря, что земля не есть частная собственность предводителя клана, что она составляет их общую собственность. Но англичане со своей точки зрения никак не могли этого понять: земли общей быть не может, земля может принадлежать только тому или другому лендлорду и если он бежал, то земля эта лишается своего владельца и становится государственною собственностью, которою государство и может распоряжаться, как ему заблагорассудится. Здесь мы видим, следовательно, столкновение правовых мировоззрений двух рас: германской с её идеей личной собственности и кельтической — с идеей общей собственности. От такого столкновения и произошла эта ломка основных правовых понятий и в результате 195 000 акров роздано английским и шотландским переселенцам, а туземцам оставлено только 70 000 акров. При этом строго было воспрещено первым допускать и держать на своих землях арендаторов-ирландцев. — Система, господствовавшая при Якове I продолжается и при преемнике его. С одной стороны, мы видим, бояться не только за политическую и религиозную самостоятельность, но и за землю, на которой сидишь и сегодня пользуешься ею, а завтра, смотри, придет какой-нибудь чужеземец и отберет ее; с другой стороны стремятся сузить именно до последней степени всё, что напоминает еще о каких-нибудь правах.

Карлу I с самого начала вступления его на престол пришлось вести борьбу с парламентом, борьбу, которую вел уже Яков I и которая была неминуема при том высоком понятии о божественном праве королей, какое было присуще всем Стюартам и которое было причиною такой трагической участи этой династии. С созванием Долгого Парламента начинается кризис в борьбе парламента с королем за вековые права английского народа. Ирландцы желают воспользоваться удобным моментом, и вот в Ирландии составляется заговор, чтобы освободиться от английского господства. Ирландцы хотели 23 Октября 1641 г. напасть на Дублин и овладеть им, но это им не удалось. — В самой Англии борьба с королем переживает разные фазисы. Сначала во главе парламента стоят монархисты и англиканцы; потом влияние переходит к пресвитерианам и политика всё более принимает республиканский характер, чтобы с выступлением на сцену круглоголовых и индепендентов порвать решительно и с монархией и с высокою церковью. Как же должны были относиться к этому делу ирландцы? Англичане-ирландцы, т. е. англичане, поселившиеся и владевшие землею в Ирландии были или пресвитериане, или монархисты; английский парламент в их глазах перестал быть учреждением, которому нужно повиноваться, и этот парламент становится общим врагом как приверженцев короля, так и ирландцев, стремившихся к политической самостоятельности. Поэтому происходит сближение между старо-ирландскою партией и англичанами роялистами в Ирландии и восстание вначале носит характер политический. Герцог Ормонд во имя роялизма сумел соединить обе партии для борьбы с парламентом. Карл I заключил с ирландцами договор, выговорив себе их помощь и сделав им значительные уступки. Договор этот был найден в кармане убитого в одном сражении епископа Туама. Когда в Англии узнали об этом союзе короля с ирландцами, то там поднялась целая буря негодования. Карл I из политических расчётов отрекался, конечно, от всякого союза и договора. — Движение ирландцев на этой почве не осталось. Останься оно чисто национально-политическим, им бы удалось, может быть, освободиться от господства Англии; хотя этот успех, по всей вероятности, не был бы долговременным. — Но тут замешались религиозные отношения. Извне увидели возможность воспользоваться этим движением для торжества католицизма, с одной стороны, и подрыва выгодного положения Англии, с другой. И вот в Ирландию является кардинал Ринучини и старается придать движению ирландцев религиозный характер. Ему удалось сначала привлечь на

свою сторону Карла I и приобрести влияние при помощи роялистов. Сближаясь с кардиналом Ринучини и обещая ему значительные уступки в религиозных делах, король рассчитывал через него приобрести помощь католических держав. Но он ошибся в расчетах. Очень скоро папский легат открыл свою игру: по его приказу, католические священники стали проповедовать против самого Карла I, как еретика, и кардинал склонил католиков признать своим государем самого папу и призвать для управления Ирландией, — под верховной властью папы, — брата герцога Тосканского. Договор между ирландскими роялистами и старо-ирландской партией рушился. Герцог Ормонд сдал Дублин войскам парламента, не желая торжества папистов. Полковник Джонс вступил туда в июле 1647 г. Этот результат, а также поражения, которые стали терпеть ирландцы, разочаровали их в политике кардинала Ринучини и заставили снова сблизиться с роялистами. Казнь Карла I еще более содействовала этому. Несмотря на проклятия и отлучения кардинала, лига восстановилась, и сам он вынужден был покинуть остров и возвратиться восвояси.

Но благоприятный момент был упущен. Парламент восторжествовал над королем и теперь направил свои силы на Ирландию. Туда отправился сам Кромвель и по высадке своих войск, взялся за покорение городов Дрогеды, Вексфорда и других. При капитуляции этих городов защитники их были перебиты до единого человека. В Вексфорде жители были перебиты, не смотря на обещание сохранить им жизнь, данное Кромвелем при заключении капитуляции. Кромвель чувствовал потребность оправдать эти зверства и писал парламенту по поводу этих избиений; «я убежден, что это праведный суд Божий над этими варварами-простофилями, которые обагрили свои руки такою массою невинной крови, и что это предупредит повторение подобных кровопролитий в будущем». Ирландия покорялась не только оружием, но и голодом. За войсками Кромвеля шли косари и жнецы, которые уничтожали везде хлеб на корню. Сжигалось всё, что только можно было сжечь. Когда в 1652 г. «умиротворение» Ирландии кончилось, то далеко нельзя было назвать это умиротворением, а скорее превращением богатого острова, по крайней мере значительной части его, в пустыню. Из 1 466 000 человек 616 000 погибло от меча, от голоду и от повальных болезней. К этому умиротворению вполне применимо выражение Тацита: «Ubi solitudinem faciunt, pacem spellant» (Там, где они создают пустыню, они называют это миром). 34 000 лучших людей по условиям капитуляций были вывезены на континент и дрались потом под знаменами Испании, Франции — и даже Польши. — Многие ирландцы, мужчины, женщины и девушки были вывезены и отданы на сахарные плантации Вест-Индии. Правительство приказало отправлять туда всех ирландцев, находящихся в тюрьмах, рабочих домах и всех, не имеющих определенных средств жизни. Агенты разного рода охотились за такими несчастными, как охотились за неграми в Африке.

За умиротворением следовало массовое обезземеление ирландцев по следующим двум актам парламента. По первому акту от 13-го Августа 1652 года все те, кто принимал участие в восстании до 1643 года, лишаются всех своих земель; те же, кто в восстании против короля не участвовал, а лишь в восстании против парламента, теряют 2/3 своих земель, а взамен остающейся трети они получают соответствующий участок земли на западе Ирландии в Коннауте (Connaught), что равносильно было потере и этой трети. Наконец, те из ирландцев, которые сами хотя и не принимали участия ни в каком восстании, но не выказали достаточной антипатии к восставшим, лишаются одной трети своих земель, а взамен остальных двух третей получают земли в том же Коннауте. — По второму акту парламента от 27 Сентября 1653 года все ирландцы-католики должны непременно к 1 мая 1654 года выселиться за реку Шанон в Коннаут. Кто же позже 1 мая 1654 г. окажется по сю сторону Шанона, тот подвергается смертной казни. Дозволялось

остаться только малолетним (моложе 14 лет), если у них один из родителей протестант, а также рабочим, нужным для обработки земель англичан. Подобного рода выселение огулом объяснялось желанием англичан совершенно обезземелить ирландцев и самим завладеть их землями. И недаром выгоняли этих несчастных туземцев в Коннаут. Насколько Ирландия вообще представляется островом благодатным и плодородным, настолько же Коннаут представляет одни скалы, болота и очень мало земли, удобной для обработки. — Какие ужасные общественные отношения устанавливались на острове, свидетельствует, например, следующая такса: правительство платило 5 фун. ст. за убитого волка, 10 ф. ст. за волчицу, 10 ф. ст. за пойманного католического священника (по закону они все считались изгнанными из Ирландии) и 20 фунтов за тори. (Так назывались восставшие роялисты, остатки которых составляли разбойничьи шайки).

Но вот миновала и республика в Англии; наступила реставрация Стюартов. Ирландцы, которые боролись за королевские прерогативы, рассчитывали теперь на некоторое вознаграждение.

И действительно, уже в 1662 г. издается так называемый Поселенческий акт (Act of settlement), которым «невинным католикам»² предоставлялось право получить обратно конфискованные у них участки. Когда акт был обнародован, то прощений о возвращении земель было подано до 4 000. В Лондоне поднялся ужасный шум со стороны приобретателей награбленных земель. Вопли лендлордов возымели свое действие. Появляется дополнительный, объяснительный акт, который низвел значение поселенческого акта почти до нуля. Все те, по прошению которых не было постановлено никаких решений, должны были навсегда отказаться от надежды возвратить себе отцовское наследство; только для 20 семейств из 3 000 в виде особой милости сделано было исключение.

В общем счете одна треть удобной земли во всей Ирландии, не исключая и Коннаута, осталось за ирландцами-католиками, а две трети за англичанами.

Новый момент в истории Ирландии представляет краткое, трехлетнее царствование Якова II, закончившееся революцией 1688 года. Яков II в своей попытке ввести абсолютизм и произвести реставрацию католицизма старается подготовить для себя почву в Ирландии — стране католической и искони враждебной всему английскому. Он назначает своим наместником в Ирландии полковника Тальбота, получившего звание лорда Тирконнеля, ярого врага поселенческих законов. Своими действиями он питает надежду в Ирландии на возвращение отнятых земель, на изгнание протестантов и на восстановление католической церкви. Среди этой работы застала его революция 1688 года. Тирконнель и ирландцы стали на сторону Якова II. Последний сам явился в Ирландию с французским вспомогательным отрядом. Сюда же спешит и Вильгельм Оранский со своими войсками. Ирландия снова становится ареною борьбы разнообразных интересов. Католицизм и протестантизм, жажда возвратить отнятые земли и желание сохранить захваченное, национальная вражда, французские, голландские и английские торговые и политические интересы, абсолютизм Людвига XIV и принципы «Декларации прав» 1688 года, — всё это столкнулось в Ирландии. Сражение произошло при реке Бойне и было несчастно для ирландцев. Оно велось с таким упорством и ожесточением, которое объясняется лишь характером принимавших в нём участие. С одной стороны боролись гугеноты с Шомбером во главе, недавно только перенесшие от католиков массу горя на своей родине за свою религию; с другой стороны — католики-ирландцы, воодушевленные тоже жаждой мести против притеснителей и желающие

---

²Так были названы те католики, которые могли доказать, что они до 1653 года не принимали участия ни в каком восстании.

возвратить потерянную родину и свободу.

Само собою понятно, что после этого поражения ирландцам стало еще хуже. Первая половина XVIII столетия — это время всяческого унижения ирландцев. Издаются драконовские законы против католиков. Им запрещено было, под страхом штрафа и плети, носить оружие; католик не мог занимать какой бы то ни было общественной должности, не мог быть ни избираемым, ни избирателем; не мог быть учителем, не мог быть адвокатом, не смел жить в Гальвэ и Лимерике, если платит за квартиру более 40 фун. в год; католик не имел права иметь лошадь дороже 5 фун. стерл., в противном случае всякий протестант имел полнейшее право, дав ему гинею, отпрячь его лошадь и взять себе; католик не мог вообще владеть землею, ни покупать ее или иным образом получать ее, ни давать под залог её деньги, ни арендовать ее на срок более 31 года, причём арендная плата должна была обязательно равняться двум третям дохода с земли. Всякие сделки, противные этим законоположениям, признавались недействительными. Католик не мог также жениться на протестантке, а католичка выходить замуж за протестанта и наоборот. В случае смешанного брака имущество протестантки, если оно было более 500 ф. ст., отнималось у неё и переходило к её протестантским родственникам. Священник, совершавший смешанный брак подвергался сначала штрафу в 20 ф. ст., а потом, по закону 1725 г., — смертной казни. Наконец, по закону 1745 г. всякие браки между папистами и англиканцами признаются недействительными. Интересною представляется для нас эта градация наказаний, которым подвергался священник за совершение обряда венчания при смешанных браках. Очевидная недостаточность наказаний, которая не удерживала священников совершать обряд венчания вопреки запрещениям правительства, побуждала последнее усиливать степень наказания, доведя его наконец до смертной казни. Далее, католик не имеет права наследовать протестанту. Католик не мог быть опекуном своих собственных детей; опекунство переходило непременно к какому-нибудь родственнику протестанту. Католик не мог ни иметь учителя католика, ни отправлять своих детей за границу для воспитания, как делали часто богатые ирландцы, воспитывая своих детей во Франции. Кто оказывался виновным в этом, имущество того конфисковалось. Шериф имел право являться в любое время в дом католика и требовать, чтобы он показал всех своих детей. Если кого-либо из них не оказывалось на лицо, то считалось, что оно находится и воспитывается за границей, и имущество отца конфисковалось без дальнейших рассуждений. Училищ своих католики иметь не могли. Все высшие католические духовные и члены орденов были изгнаны.

Чем же, наконец, мог быть католик? — Нищим и поденщиком. — Даже самое право завещания католиков ограничивалось. Так, протестант обязан был держаться майората, католики же обязаны были делить имущество свое между всеми детьми, дабы оно дробилось и чтобы потомки беднели. Но это еще не всё. Если один из сыновей принимает протестантизм, то отец теряет все права распоряжения своим имуществом; они переходят к этому сыну-отщепенцу. Последний становится даже опекуном отца. Дальше уж идти было некуда. Если правительство становится между отцом и сыном, давая, наперекор всяким естественным законам, второму старшинство над первым, то это уже последнее слово безобразия и мерзости.

Рядом с этими мерами принимаются другие для уничтожения экономического развития и благосостояния Ирландии. Навигационным актом запрещалось ирландцам иметь непосредственные сношения с английскими колониями или иностранными государствами. Каждый корабль, направляющийся к берегам Ирландии, если он только не английский, должен был сначала подвергаться визе в Англии и затем уже следовать по своему назначению. Этим имелось в виду уничтожить ирландское судостроение, что и было достигнуто: за 50 лет после этого закона на ирландских верфях, как утверждают, не

было построено ни одного корабля. Затем Ирландия издавна славилась своим овцеводством, была там очень развита также шерстяная промышленность. Чтобы и ее подорвать, издано было (в 1698 г.) постановление, в силу которого шерстяные изделия Ирландии подвергаются 20% вывозной пошлине. Вследствие этого в 1700 и 1701 г. на руках общественной благотворительности находилось 19 000 ткачей; а каких-нибудь 30 лет спустя в Бельфасте нельзя было найти ни одного шерстоткацкого станка. Акт, о котором мы только что говорили, был издан ирландским парламентом, состоявшим из одних только протестантов. Ему было обещано, что англичане будут содействовать насаждению в Ирландии льняной и пеньковой промышленности взамен шерстяной. Обещание это не было исполнено.

К чему вообще привели все эти меры, которые только что очерчены мною, свидетельствуют лучше всего отзывы современников. Вот что говорит о несчастной Ирландии в «письмах суконщика» Джонатан Свифт, долгое время живший в Ирландии: «Грустное зрелище поразит всякого, кто пожелает посетить эту страну. Все дороги, улицы и двери домов осаждаются нищими женщинами, за которыми следует 5-6 детей, моля и прося прохожего о милостыне. Дети эти, вырастая без всякого образования и воспитания, становятся разбойниками уже потому одному, что им нечем жить».

Один наместник Ирландии доносит, что во рвах городов можно было находить много мертвых людей, причём лицо и рот у них покрыты зеленью от травы, которою они питались в последние минуты своей жизни. Нечего и говорить, что такое бедственное положение туземцев Ирландии было прямым следствием конфискации их прав и тех законов, которые, по словам Борка, ирландца по происхождению, имели целью уничтожить всякое значение ирландцев. — Наместник Ирландии Тоуншенд также замечает, что все законы, которые писались и издавались относительно ирландцев, были направлены к тому, что бы уничтожить значение папистов. — Но ведь последние составляли огромное большинство населения Ирландии.

Казалось, что, благодаря стараниям и мерам, предпринимаемым из Лондона, Ирландия представляет собою труп, и трудно было рассчитывать, что бы труп этот мог когда-нибудь ожить; трудно было, по крайней мере, ждать какой-либо оппозиции со стороны ирландцев, пришибленных горем, нищетой, издевательствами англичан. Но нет, именно в то время, когда, казалось, исчезли в этом теле последние признаки жизни, труп начал оживать. Полвека действия драконовских законов не убили его окончательно. Первые проявления жизни были грубы и оцвечены характером насилия. Тайные общества, похожие на разбойничьи шайки, под различными названиями: «Белые ребята» (White-Boys), «Дубовые ребята» (Oakboys), «Стальные сердца (Hearts, of steel), «Дети права» (Right-Boys), все действовали одинаковым образом: насилием, грабежом, пожаром с таким ожесточением, которое понятно только в людях, доведенных горем до отчаяния и которым не от кого ждать помощи. Сила и популярность этих тайных обществ в Ирландии между католиками была громадная, почти невероятная. Нельзя было найти человека, который согласился бы свидетельствовать на суде против членов этих обществ; нельзя было найти присяжных, которые бы решились вынести кому-либо из них обвинительный вердикт — до того эти союзы пользовались симпатией в массе народа, а с другой стороны нагоняли страх. Все они были выражением протеста против иноземного владычества и гнета и всякими мерами насилия старались действовать против агентов этой ненавистной им власти. Они нашли поддержку и в протестантах англо-ирландцах, ибо экономическое давление, о котором мы говорили, одинаково коснулось как протестантов, так и католиков острова. Отряды «Дубовых ребят» и «Стальных сердец» состояли из протестантов Ульстера столько же, как и из католиков.

Немного позже и в литературе появляется протест против гнета англичан. Капуцин

О'Лири, отличавшийся блестящим талантом, Джонатан Свифт в «Письмах бедного суконщика», аптекарь Лукас в своем «Журнале свободного человека» (Freemans Journal) подняли голос и стали будить свою родину, вступаясь за поправленные права её. Эта оппозиция естественно вызвала преследования. «Журнал свободного человека» был закрыт и издатель его должен был бежать на континент. Но удары власти не убивают мысли. Популярность Лукаса лишь возросла от преследований. Впоследствии он был выбран членом парламента.

За открытие личности «суконщика» (автора «Писем») была назначена награда во 300 ф. ст., но все обещания и соблазны остались без последствий. Процесс вынуждены были начать против типографщика, напечатавшего «Письма». Присяжные заседатели одиннадцать раз возвращаемы были председателем в совещательную комнату: никак нельзя было дожидаться от них обвинительного вердикта. До того популярна была книга, в которой говорилось о бедствиях и правах Ирландии.

Но едва ли одни союзы, поддерживаемые протестом литературы, могли бы заставить Англию коренным образом изменить свое отношение к Ирландии; репрессии эти в лучшем случае могли бы только ослабить гнет, но не уничтожить его.

Посторонние обстоятельства помогли ирландцам и все их можно свести к трем категориям. Во 1), финансовая политика острова была невозможная: на два миллиона фунтов расхода еле-еле можно было собрать 1 900 000 фунт. Это было результатом обеднения страны и щедрых пенсий, назначаемых за счет её доходов влиятельным людям и королевским любимцам. Во 2), экономическое положение страны отражалось не только на её финансах, но и на английской промышленности и торговле. Английские торговцы роптали, что сбыт их произведений сильно сократился. В 3), наконец, самое решительное воздействие оказали политические затруднения, а именно: война с Америкой. Когда американцы начали спорить с англичанами за свою независимость и права, то ирландцы увидели, что их соединяет с американцами общая участь и общность антипатий. До союза между американцами и ирландцами дело не дошло. Известно однако, что Франклин был в Дублине и указывал там на возможность общего действия тех и других. После Саратогской капитуляции, за которою последовал союз американцев с французами, английское правительство поневоле призадумалось: а что если французы вздумают опять появиться в Ирландии, то не будет ли озлобленная Ирландия очень удобною для них ареной борьбы. И вот, чтобы смягчить немного ирландцев, в 1778 году пробивается первая брешь в стене всяческих ограничений в отношении католиков. Законы, запрещающие арендовать землю за ренту ниже определенной нормы, ограничивающие права наследства католиков и предоставляющие право ренегату-сыну становиться опекуном отца, отменены; также отменены законы, запрещающие быть учителем, адвокатом и другие более мелкие стеснения. Разрешено приобретать собственность под видом аренды на 999 лет, причем арендная плата могла быть условлена полюбовно. Несколько позже англичане признали также некоторое равноправие в торговых отношениях между англичанами и ирландцами.

Но вот английское правительство, вынужденное обстоятельствами, само дает меч в руки ирландцам. Англия, отвлекаемая войною с Америкой, вызвала из Ирландии все свои войска и когда ирландские землевладельцы обратились к министерству с жалобой на отсутствие войск, то последнее отвечало: «Если хотите быть в безопасности, вооружитесь и защищайте себя сами». Это значило открыто признать себя политическим банкротом. Ирландцы с радостью воспользовались предоставленным им правом самим вооружаться и быстро составили добровольные батальоны, которые с 8 000 человек разрослись в каких-нибудь два года до 45 000 чел.

Новый дух патриотизма, предчувствовавший что с этого момента настает новая

пора в истории отношений Ирландии к Англии, соединил одинаково как протестантов, так и католиков. Последние, не имея права носить оружие, принимали участие деньгами. Когда создалась в Ирландии такая сила, которая уже по самому происхождению своему должна была стать на её стороне и защищать её интересы против Англии, то спорить с Ирландией Англии, которая имела на своей шее войну с Америкой, Францией, Испанией, оказывалось невозможным. И вот в парламенте Ирландии поднимается вопрос о независимости ирландского парламента. Предложение Граттана и Флуда в этом смысле было поддержано большою демонстрацией добровольцев в Дублине (1780 г.). Правительство, озабоченное внешними делами, должно было уступить в этом вопросе настояниям ирландского депутата Граттана, поддерживаемого, как мы сказали, агитацией добровольцев, и признать (в 1783 г.) законодательную независимость ирландского парламента.

В виду того, что деятельность ирландского парламента составляет интересную страничку в истории Ирландии, не хотелось бы говорить о ней слишком кратко, а потому мы побеседуем об этом предмете в следующей главе.

II.

Если читатель постарается резюмировать всё то, что было сказано в предыдущей главе, то, быть может, он придет вместе со мною к тому заключению, что история Ирландии, выразившаяся в отношениях её к Англии, представляет нам следующие четыре периода: первый период обнимает собою борьбу исключительно национально-политическую и длится до реформации. В этот период времени, за исключением лишь царствования Генриха VII, перевес был, можно сказать, на стороне ирландцев в том смысле, что англичане никак не могли овладеть Ирландией, а в культурном отношении даже подчинялись ирландцам. Второй — период религиозно-политической борьбы, когда борьба национально-политическая осложняется борьбой религиозною. Это — период реформации XVI в. вплоть до конца царствования Елизаветы. Англия употребляет все усилия — и безуспешно — для борьбы с Ирландией, в последней же происходит ряд неудачных, правда, но зато грозных восстаний, которые должны были заставить английское правительство склониться на некоторые уступки. Третий период — это время большего ирландского восстания, когда Стюарты вступили в борьбу с парламентом. Восстание это сопровождалось систематическим обезземеливанием ирландцев, закончившимся тем, что ирландцы сосредоточены были только в западной, скалистой и болотистой части острова — в Коннауте, а их земли розданы были английским колонистам или солдатам, — усмирявшим восставших. Период этот заканчивается Лимерикским миром 1689 г., когда Вильгельм III окончательно подавил восстание и покорил ирландцев. С этого момента начинается четвертый и последний период — полного порабощения и бесправия ирландских католиков.

Читатель видел все те меры и законы, которыми ирландец был лишен не только политических и гражданских, но даже и семейных прав. Я указал также на тот поворот в отношениях англичан к ирландцам в конце XVIII ст., который является следствием причин отчасти внутренних так сказать, а именно: пробуждения национального и общественного чувства в ирландцах, отчасти же внешних: северо-американского восстания, к которому, как небезосновательно опасались англичане, могли пристать и ирландцы. Чтобы воспрепятствовать этому опасному для себя союзу, англичане согласились сделать ирландцам некоторые уступки. И вот, в драконовских законах XVIII столетия, показывается первая брешь в виде разрешения ирландским католикам приобретать землю если не в собственность, то в аренду на 999 лет, что равнозначительно приобретению в собственность. При этом арендная плата не предписывается обязательная, а

предоставляется полюбовному соглашению заинтересованных в этом лиц. Отменяются также опека сына-протестанта над отцом-католиком, запрещение жить в Гальвэ и Лимерике, запрещение иметь лошадь дороже 5 ф. ст. и т. п. Затем было указано нами, что в Ирландии происходит агитация с целью освобождения ирландского парламента от авторитета английского. Для того чтобы нам ясна стала эта агитация ирландцев в пользу законодательной независимости, нам нужно рассмотреть сначала, чем именно был ирландский парламент и каково было его положение.

Ирландский парламент был подчинен двоякому ограничению. Во-первых, закон Пойнинга³, относящийся к 1495 году, лишил ирландский парламент инициативы в издании законов. Каждый билль, вносимый в ирландский парламент, должен был быть предварительно рассмотрен в тайном королевском совете; парламент не должен был быть созываем, пока в означенном совете не будут одобрены все билли, предположенные к внесению в данную сессию. В 1556 г. закон Пойнинга был видоизменен. Созвание парламента могло последовать и раньше одобрения биллей в совете; но билли, предложенные правительством, не могут подвергаться поправкам, а должны быть приняты или отвергнуты целиком.

Во-вторых, по закону Георга I, следовательно, в XVIII уже стол., английский парламент и помимо ирландского мог издавать законы, обязательные однако для Ирландии, не смотря на то, что в обсуждении этого закона представители последней не принимали участия. Этими законами ирландский парламент в своей деятельности был стеснен волею совета и волею лондонского парламента.

Кроме всего этого, и самый-то ирландский парламент являлся представителем не всей Ирландии, а только меньшей и очень незначительной части жителей острова. Дело в том, что по Test-act'у, изданному еще при Карле II во второй половине XVII столетия, подтвержденному для Ирландии законами, изданными после сражения при Бойне, католики были лишены прав избирательных и избираемости, следовательно, ирландский парламент состоял только из протестантов, выбранных протестантами же, новыми колонистами Ирландии, которых всего-навсего было 600 000 человек на четырехмиллионное население острова.

Теперь, в конце XVIII века поднят вопрос о том, чтобы ирландский парламент сделать учреждением независимым. К этому и направлена была деятельность «добровольцев», полки которых, как было сказано в первой главе, были организованы ирландцами по предложению самого английского правительства, которое не знало, конечно, какой размер и какой характер примет деятельность добровольцев. В самом парламенте, под влиянием пробуждения общественного сознания, также образовалась партия, так называемая Земская Партия, из лиц хотя и протестантов, но всё-таки преданных интересам Ирландии. Во главе этой партии стояли Флуд и Граттан. Последний внес в парламент резолюцию под именем «Декларации Прав» (19 апреля 1780 г.) в следующих пунктах: 1) Один король вместе с лордами и общинами Ирландии имеет право издавать законы, обязательные для Ирландии. 2) Корона Ирландии нераздельно соединена и будет соединена с короною Англии. 3) Великобритания и Ирландия должны быть нераздельно связаны под властью одного государя общими узами интересов, лояльности и свободы. Когда эта резолюция была отклонена парламентом, то это вызвало сильное движение среди «добровольцев». В Дунганоне происходит в 1781 г. собрание 142 делегатов полков, стоявших в Ульстере, которое под председательством главнокомандующего лорда Чарльмонта постановило несколько решительных резолюций в пользу законодательной независимости Ирландии. Наместник же Ирландии сообщает в

---

³Пойнинг был наместник Ирландии, и ему принадлежал билль этого закона.

Лондон, что едва ли возможно будет дальше отстаивать в Ирландии законы, созданные лондонским парламентом: до того сильно движение против них. В тоже время в Англии происходит перемена министерства и во главе его становится Фокс, который в прочитанном им королевском послании рекомендует обратить особенное внимание на положение дел в Ирландии. Как только ирландскому парламенту стало известно желание правительства изменить положение ирландского парламента, то и в самом парламенте также стали иначе относиться к вопросу, и новые резолюции Граттана об отмене статута Пойнинга и акта Георга I были приняты сначала в ирландском парламенте, а затем и в Англии 17 мая 1782 г. Ирландский парламент с этого времени признавался единственным законодательным для Ирландии учреждением, решения которого не нуждаются в санкции английского парламента, и единственною связью между Ирландией и Англией стал отныне один общий для обеих стран король с его министрами, т. е. была признана законом только личная уния между двумя самостоятельными государствами. Но ирландцы не удовольствовались этой мерой, и вот, мы видим, начинается новое двойное движение. С одной стороны, идет агитация в пользу реформы политического избирательного права, а с другой – в пользу расширения политических и гражданских прав католиков вообще. И за эту двойную агитацию берутся опять-таки «добровольцы». Но первого, т. е. реформы избирательного права, гораздо труднее было добиться, нежели последнего. Католикам были разрешены смешанные с протестантами браки, было позволено им быть учителями, но на дарование католикам прав избираемости ни парламент, ни правительство ни за что не хотели согласиться, потому что это значило бы отменить господство английской колонии в Ирландии. Господство же это считалось краеугольным камнем владычества Англии в Ирландии и обеспечением её политического спокойствия. Попытка дать католикам доступ в парламенте сделана была Питтом младшим несколько позже, как мы увидим; пока же реформа избирательного права осталась неосуществленною: слишком сильна была в парламенте клика людей, прямо заинтересованных в поддержании *statu quo* избирательного права.

Дело в том, что многие члены ирландского парламента были представителями таких местечек и городков, где избирателей было слишком мало и все они зависели от помещика, который и распоряжался их голосами, как ему выгоднее было. Эти так называемые «гнилые местечки», представляли для владельцев их известный доход в том смысле, что правительство уплачивало помещику определенный гонорар за пользование для своих целей голосами, находящимися в его распоряжении, так что значение лендлордов определялось в то время не только тем, сколько у каждого было акров земли, но и тем, сколько в его владении избирателей. Реформа, следовательно, парламента представляла затрагивала в известном смысле интересы экономические тех же самых лиц, от решения которых и зависела возможность подобной реформы. — Кроме того, депутаты ирландского парламента и сами были подкупаемы правительством также, точно, как подкупались депутаты английского парламента. Были даже подрядчики, которые брались за известную сумму доставить правительству столько-то голосов. — Эти парламентаские подрядчики составляли, поистине, язву тогдашнего парламента. Наместник Тоуншенд пожелал отделаться от них, но в результате вышло гораздо хуже, чем было до его попытки. Оказалось, что Тоуншенду приходилось самому непосредственно подкупать депутатов, тратить очень много и переплачивать гораздо больше, чем при помощи подрядчиков, достигал же он гораздо меньших результатов. Его стали упрекать в том, что он обременяет своими нововведениями бюджет Ирландии, и он должен был отказаться от мысли избавить парламент от подрядческой язвы. И вот таких лиц, заседавших в ирландском парламенте, хотели заставить отказаться от своих выгод во имя какого то общего блага, которого они и не хотели да и не могли взять в толк. — В

ирландском парламенте были впрочем, как я уже сказал, две партии, из которых одна — земская партия — стояла на стороне реформы и имела в числе своих членов таких людей, как Граттан и Флуд. Последний дважды делал предложение в парламенте относительно реформы, но оба раза предложение его проваливалось. Флуда упрекали в парламенте в том, что он вносит в парламент, в виде биллей, резолюции делегатов полков добровольцев, которые (делегаты) собирались в это время в Дублине под именем Национального Конвента. — Эти упреки имели основание. Флуд был членом Национального Конвента и действительно облакал в форму биллей резолюции последнего; Двойная неудача Флуда была в то же время и неудачей добровольцев. Потерпев ее, они сходят со сцены и больше не играют никакой роли. Результатом возбужденного ими движения было предоставление гражданских прав католикам и облегчение торговых стеснений. Наступило шесть лет затишья, но это было затишье перед бурей, которая разразилась чрез каких-нибудь полтора десятка лет, но материал для которой продолжал накапливаться во всё это время.

События осложняются. Наступает 1789 год. Во Франции быстро совершалось крушение старого порядка и, казалось, так же быстро торжествовал порядок новый. 14 июля, ночь 4-го августа, переезд короля в Париж, провозглашение естественных прав человека и гражданина, всё это — события всемирно-исторического значения. Их сопровождала вера в зиждительную силу свободы, вера в силу человеческого разума, в способность его переделать жизнь мира и осуществить мечту о золотом веке. Словом, это было время еще не помутившихся надежд и упований. Люди верили, что стоит только что-либо сделать доступным разуму, чтобы это разумное осуществилось, и наоборот, достаточно выявить неразумность существующего, чтобы оно исчезло. Значение чувства и привычки, и влияния преданий не признавались вовсе, или им придавалось весьма мало значения в историческом развитии человечества. Увлечение провозглашенными принципами было так всеобщее, что едва ли можно было сыскать хоть одного человека, который бы не поддавался этому обаянию. Один немец, который был в Париже во время праздника федерации, пишет: я забыл в это время, что я немец, и первый раз в жизни почувствовал себя человеком. Так действовало на людей всех наций провозглашение *droits de l'homme et de citoyen*, а тем сильнее должно было оно подействовать на угнетенных в течение веков ирландцев. Под влиянием этого возбуждения образовалось «Общество соединенных ирландцев», которое состояло из протестантов и католиков. Общество это разделялось на две партии, из которых одна желала реформы избирательного права, другая же — установления одинаковых политических прав для католиков и протестантов, т. е. для всех ирландцев. Против последней тенденции «соединенных ирландцев» в Ульстере начинается движение, или контрагитация крайних протестантов. Оно выразилось в образовании обществ под названием «Рыцари или Молодцы рассвета». Похожие по своей организации и способу действий на белых ребят, рыцари рассвета нападают на католиков, жгут их дома, бесчинствуют, грабят и убивают. Католики также составляют банды «Защитников», которые не ограничиваются оборонительными только мерами, но и сами нападают на протестантов, мстя им за все причиняемые бедствия. В Ирландии происходят таким образом постоянные столкновения между «Молодцами рассвета» и «Защитниками», которые опустошают остров и истребляют его население. Необходимо было подумать о каких-нибудь мерах. К счастью, английское министерство находилось в то время в руках человека в высшей степени талантливого, с широким умом, человека, имя которого занимает видное место в истории Англии. Я говорю о Питте младшем.

Я не могу отказать себе в удовольствии остановить на минуту мысль читателя на воспоминании об этом государственном деятеле, сыне знаменитого Вильяма Питта. Еще

молодым человеком он удивлял всех своими феноменальными способностями. Будучи мальчиком 14 лет, он поражал классиков знанием классических языков, поражал математиков знанием математики. От отца своего он унаследовал способности и некоторые черты его характера. Гордость, как и у отца, составляла выдающуюся черту его характера; чудный, гармоничный голос, способный выразить все тончайшие движения человеческой души наследован был им от него же. Также как и отец, он был быстр, находчив, страшен своим сарказмом. Отец его был человек страсти и увлечения, — сын был сдержан и умел поразительно владеть собою во время речи. Если отец был мастером ораторского искусства, то и сын не уступал ему в этом. Как тот, так и другой отличались в своих речах силою выражения и красотой построения. Но между сыном и отцом была и значительная разница. Питт старший был оратором, которым совершенно овладевало чувство, и он отдавался ему без оглядки. Его речь лилась бурным потоком, увлекавшим и его слушателей и его самого. Этот поток выносил наружу его сокровенные мысли и чувства. Когда во время семилетней войны его голова была полна политических тайн и военных планов, он нередко говаривал: «Мне сегодня надо сидеть спокойно и не говорить, ибо если я раз начну говорить, то всё, что ни есть в душе моей, выйдет наружу». Сын же, напротив, отличался красноречием спокойным, академическим, что называется.

Маколей в своей характеристике Питта замечает, что если многих государственных людей Англии можно упрекнуть в том, что они, благодаря слишком односторонним и обильным занятиям классическими языками, не вполне владеют своим родным языком, то относительно Питта этого сказать нельзя было. Когда ребенком, сидя на коленях у отца, он отвечал ему уроки, последний читал ему Фукидида или Цицерона и заставлял тут же вслух переводить читаемое на английский язык, и не как-нибудь, а хорошим, обработанным языком. Он учился отделять английскую речь по этим великолепным образцам и достиг высокой степени совершенства. С первого появления своего в парламенте он стал силою своего красноречия выше всех своих современников. Он без приготовления умел излагать свои мысли в длинном потоке величественных и округленных периодов, никогда не затрудняясь в выборе слова, никогда не повторяя одного и того же слова. Он говорил голосом звучным и серебристым и с такою чистотой выговора, что у него не пропадало ни одной буквы. Его речь была обильна, обработана, блистательна. Может быть, ни один оратор, — древний или новый, — не превосходил его в силе сарказма, и он беспощадно пользовался этим страшным орудием. Он был необыкновенно опытен в двух отделах ораторского искусства, которые имели оба величайшую важность для первого министра. Никто лучше его не умел быть ясным и никто лучше его не умел быть темным. Когда он хотел, чтобы его поняли, это ему всегда удавалось. Он всегда умел дать своим слушателям понятие не очень точное, но всегда ясное, популярное и удовлетворительное о предметах самых запутанных и самых обширных. Всё было на своем месте, ничего не было забыто; мелкие подробности, сумма денег, всё верно сохранялось в его памяти. Самые запутанные финансовые вопросы, объясненные им, казались ясными самым простым из его слушателей. С другой стороны, когда он не хотел, чтобы его поняли, — а какой же человек, стоящий во главе дел, хочет быть всегда понятным? — у него был необыкновенный дар ничего не сказать, но таким языком, что его слушателям казалось, что он сказал очень много. Словом, это был единственный человек, который был в состоянии изложить бюджет без счетов и импровизировать самую уклончивую и самую туманную из всех речей — тронную речь короля.

С 20-летнего возраста он выступает уже на арену общественной деятельности в качестве члена парламента, а 24 лет он уже был первым министром. В рассматриваемое нами время мы застаем Питта еще вигом. Он отнесся отрицательно к протестантскому

движению в Ирландии, вызвавшему такие печальные столкновения между «рыцарями рассвета» и «защитниками». В тронной речи, которой был открыт парламент 10 января 1793 года указывается необходимость обратить внимание на положение католиков и высказывается надежда на либерализм и мудрость парламента. Вслед затем был внесен в ирландский парламент билль, который в дополнение к прежде сделанным уступкам прибавлял новые. Расширены были права католиков в отправлении богослужения и в деле образования. Кроме того им предоставлено было занимать военные и гражданские должности и избирательное право в общинных городских и государственных выборах, но они получали только право избирать, но не быть избираемыми. Подобные предложения были вносимы немного раньше в парламент стараниями «соединенных ирландцев», но были отклоняемы. Теперь, когда правительство высказалось за внесенный билль, он был принят. Это был последний шаг в XVIII столетии на пути улучшения положения Ирландии.

Дальше обстоятельства осложняются. Как и в остальной Европе, в Англии события 1793 г. произвели сильное впечатление. Террор испугал европейское общество до крайней степени. Европа как бы разделилась на два лагеря, причем все крайние элементы стали на сторону террора, другие же элементы не только консервативные, но даже и либеральные, если они только не были с крайним оттенком, отклонились в правую сторону и не только стали против террора, но и вообще против всякого прогрессивного движения. В начале 1793 же года возникает война между Англией и Францией и естественное дело, что французы стараются воспользоваться Ирландией, как очень удобной почвой для действий против Англии. Агенты французские, между ними главным образом Джаксон, зондируют почву Ирландии. Джаксона арестуют и у него находят бумаги, указывающие на то, что некоторые члены «Общества соединенных ирландцев» находились в сношениях с ним, так что одному из вожаков общества Вольф Тону пришлось бежать в Америку.

В «Обществе соединенных ирландцев» выделяется радикальная партия, стремящаяся добиться полной независимости Ирландии от Англии. Но вместе с тем, как бы в противовес этой партии, образуется другая, которая недовольна уступками, сделанными католикам. Прежние умеренные бойцы оказались между двух огней. С одной стороны, радикальная партия признает их консерваторами, окоченевшими на одном пункте и неспособными двинуться вперед, с другой стороны — ультра-протестантская партия смотрит на них, как на опасных новаторов. Но к чести этих бойцов нужно сказать, что они твердо держались своих убеждений в это трудное время и не смущались недовольством ни одних, ни других. Ирландский же парламент между тем вступает на путь реакции. Он издает закон, которым запрещается ввоз в Ирландию откуда бы то ни было оружия и запрещающий также всякого рода собрания. Последнее было направлено очевидно против собраний членов «Общества соединенных ирландцев», которые однако не прекратили вследствие этого своего существования, а перешли только из положения легального в нелегальное и образовали тайное общество. При этом, как это обыкновенно бывает, умеренные элементы уклонились, а взяли перевес люди крайнего направления. Защитники предложенных биллей доказывали необходимость стеснительных мер, ссылаясь на пример Франции. По их словам уступчивость французского правительства довела до тех ужасов, свидетелями которых были современники 1793 года. Граттан, как и в других случаях, является противником стеснительных мер и предостерегает правительство от той наклонной плоскости, на которую оно хочет вступить по пути реакции. По поводу ссылки на пример Франции он сказал в парламенте следующее: «Остерегитесь, остерегитесь примера Франции, говорят нам. Да, но если Франция должна служить назиданием, то берите пример целиком. Если её конвент служит предостережением против пороков республики, то причины, вызвавшие этот самый

конвент должны служить предостережением против злоупотреблений монархии. Франция не хотела ничего исправлять, пока злоупотребления не накопились, и тогда вооруженные массы опрокинули государство». Но эта речь Граттана, как и многие другие его речи, осталась гласом вопиющего в пустыне. Борьба между тем разгоралась всё сильнее и сильнее. «Общество соединенных ирландцев» обратилось, как я сказал уже, в тайное. Оно организуется: во всех округах и графствах были кружки из членов общества; в Дублине же — национальный конвент из делегатов этих кружков. Главными руководителями дублинского конвента были О'Коннор и Фиц-Джеральд. Особенно ценно было для «Общества соединенных ирландцев» привлечение на свою сторону последнего.

Предки Фиц-Джеральда были флорентийские итальянцы, переселившиеся в Ирландию. По матери Фиц-Джеральд был родственником Стюартов, по отцу же потомком тех Джеральдов, которые боролись уже некогда за свободу Ирландии. Всё в этом молодом человеке располагало к нему: красивый, умный, с открытой душой, приятного нрава — он скоро становился общим любимцем. Жизнь его была исполнена приключений. Между прочим, большой шум наделала связь его с женою известного парламентского деятеля Шеридана. Она влюбилась в него со всею силою увядающей молодости; но она не выдержала своего ложного положения и вскоре умерла от стыда, искренно оплакиваемая и мужем, и любовником. Вскоре после того приехала в Лондон гувернантка семьи герцога Орлеанского г-жа Жанлис и с нею прибыла девушка, которую звали Памеллой. Она очень заинтересовала высшие круги Лондона и своею красотою, и загадочностью своего происхождения. Про нее говорили, что она не воспитанница, а дочь г-жи Жанлис и отцом её называли самого герцога Филиппа Орлеанского. Ко всему этому прибавлялось еще то, что Нанси-Симс (Nancy Syms), таково было настоящее имя Памеллы — была, как две капли воды, похожа на покойную г-жу Шеридан. Еще большего шуму наделало то обстоятельство, что и почтенный Шеридан и молодой Фиц-Джеральд, оба влюбились до безумия в загадочную иностранку. Последняя, понятно, отдала предпочтение молодому Фиц-Джеральду. Когда Памелла с г-жею Жанлис поехали во Францию, то и он поехал за ними туда же и попал в Париж в то время, когда там создавалась конституция, надежды на будущее были в полном расцвете, а разочарование и ужас не коснулись никого, или почти никого. Пребывание в Париже было решительным поворотом в жизни Фиц-Джеральда. Со всем пылом юности он увлекся господствующим движением и был от него в восторге. «Во всех кафе, во всех общественных местах, пишет он, обращаются друг с другом, как с товарищами, и когда появляется иностранец, ему сейчас же говорят: «О! Мы все братья; наши победы одержаны для вас, для всего мира».

Фиц-Джеральд сошелся с английским демократом Томасом Пэном, жил с ним на одной квартире; обедали они всегда вместе. Оба друга вместе с другими англичанами устроили пир, торжествуя республиканские победы Франции и отступление иностранных армий (1792 г.). На этом пиру между другими здравицами пили за уничтожение наследственных титулов, и Фиц-Джеральд тут же отрекся от своего титула лорда. Он писал домой и просил, чтобы ему адресовали письма так: гражданину Эдуарду Фиц-Джеральду, гостиница Уайт, пассаж Petits-Peres, около Пале-Рояля.

Любовь шла об руку с политикой. После продолжительного ухаживания он женился на Памелле. Этот брак вызвал неодобрение в высших кругах Лондона, как брак неприличный для герцога, и dokonчил тот разрыв, который начался между Фиц-Джеральдом и этими кругами, благодаря политическому поведению первого. Теперь после брака с Памеллой, он был исключен из списков офицеров английской армии. — В начале 1793 года он возвращается с молодою женою в Лондон. Он решается применить к делу усвоенные им идеи и принимает участие сначала в деятельности ирландского парламента, а потом в «Обществе соединенных ирландцев», и именно в тот момент, когда

последнее готовило уже восстание с целью отделения Ирландии от Англии. С самого начала, как военный человек, служивший не без отличия в американской войне, да к тому же еще и носивший славное имя, Фиц-Джеральд получает преобладающее влияние. Исполнительный комитет решается искать помощи у Франции для освобождения Ирландии от Англии. Фиц-Джеральд и О'Конор отправляются туда с этой целью. О'Конор виделся с генералом Гошем и расположил его в пользу Ирландии. Экспедиция была снаряжена довольно значительная и поставлена была под надежное начальство генерала Гоша. Это был критический момент в судьбах Ирландии. Высадка могла рассчитывать на значительную поддержку со стороны организованных «соединенных ирландцев»; Англия не могла оказать серьезного сопротивления. Освобождение Ирландии казалось близким и вероятным. Но стихии разрушили эти надежды. Страшная буря разметала всю эскадру Гоша. Большая часть кораблей спаслась в Брест; корабль, на котором был Гош, нашел убежище в Ла-Рошели (1796 г.). Эта неудача не остановила соединенных ирландцев. Они снова завязывают сношение с Францией и, в ожидании обещанной помощи, готовят одновременное восстание в нескольких пунктах Ирландии. Восстание было назначено на май 1798 г., но раньше еще оно было разоблачено правительству купцом Рейнольдсом, в квартире которого собирались заговорщики. Почти всех их арестовали; Фиц-Джеральду же удалось бежать. Правительство и не хотело, впрочем, арестовать его; наместник велел смотреть сквозь пальцы на то, если бы он захотел бежать за границу. Но ему не хотелось бежать; чувство чести мешало ему оставить начатое дело. К тому же не хотелось надолго расставаться с женою. Он удовольствовался тем, что переменял квартиру. Это оказалось роковым. Его убежище было открыто шпионом. Правительство видело, что он не хочет бежать, а желает продолжать свое дело, оно приказало взять его. Когда проникли к нему ночью, то между ним и агентами правительства завязалась отчаянная борьба. Израненный и обессиленный, он, наконец, был взят и препровожден в тюрьму. Смерть от ран избавила его от позорной казни.

После ареста членов главного исполнительного комитета в Дублине и смерти Фиц-Джеральда подготовка восстания не остановилась. Оно только потеряло единство. Надо прибавить в этому, что английское правительство в Ирландии сделало очень многое, чтобы восстание произошло и ничего не сделало, чтобы предупредить его.

В мае 1798 года оно началось беспорядочно, нестройно, отдельными вспышками, которые без труда были потушены. Зато легкость подавления восстания не уменьшила нисколько жестокости репрессии. Убийства, насилия над женщинами, пожары и разорение сопровождали всюду появление отрядов английской армии. Восставшие платили притеснителям той же монетой. С обеих сторон пленных жгли живьем. Англичане сожгли своих пленных в Эннискортте, ирландцы — в Скуллабоге. Еще одно замечание: большинство вожаков восставших в Ульстере, Мунстере и Лейнстере были протестанты, так что лорд Клэр (Кэстльри) не без основания писал: «это — якобинский заговор, пользующийся папистами, как орудием». Только в одном месте восстание имело успех более продолжительный, это в Вэксфорде. Восставшим под начальством священника Морфия удалось овладеть городом. Не видя возможности хорошо утвердиться в нём, они укрепили близ лежащий Винегар-Гилль (уксусный холм) и сделали его базисом своих действий. Когда прибыл с войсками генерал Лэт, здесь произошла отчаянная битва между войсками и инсургентами. Лорд Клэр писал про восставших: «Восставших ведут в бой священники; на ходу они становятся на колени, молятся и потом делают нападение с отчаянною решимостью». Англичане одержали полную победу. Вэксфорд сдался; восстание было подавлено; но расправа и разорение продолжались еще долго. Назначенный в это время наместником Ирландии и главнокомандующим войсками лорд Корнуэльс не был расположен к жестокости; не смотря на сопротивление Клэра, который

в звании лорда-канцлера пользовался большой силой, он даже добился от ирландского парламента издания довольно широкой амнистии. Но Корнуэльс ничего не мог сделать с разнузданными войсками. Долгая практика грабежа, убийств и насилий разрушила в них дисциплину. Корнуэльс писал, что только одним резонем ему удавалось иногда останавливать разорение местностей. Он говорил грабителям, что они разоряют то, что впоследствии должно принадлежать им же. Когда восстание было уже подавлено, явилась помощь со стороны Франции. Небольшая эскадра высадила небольшой отряд войска под начальством генерала Умбера в Килале, на с.-з. берегу Ирландии. Сначала французы имели успех. Генерал Лэк с его разнузданными бандами потерпел от французского генерала поражение, не смотря на то, что численное превосходство англичан над французами было очень значительно. Когда, однако, прибыл затем Корнуэльс с войсками свежими и сохранившими порядок, французы не могли удержаться в Ирландии. Они должны были воротиться восвояси. Эта экспедиция не возбудила вновь восстания. Оно было уже мертво.

Итак, рассмотренный нами период времени закончился грандиозным восстанием. Не естественна ли была мысль, как бы сама собою напрашивавшаяся: следует ли терпеть теперь наряду с английским парламентом и ирландский, особенно в виду войны с Францией, которая пользовалась такими симпатиями в Ирландии? Питт категорически отвечал на этот вопрос: нет, не следует. Он ответил таким образом не только потому, что произошло восстание. Питт прекрасно понимал, что в Ирландии существуют различные партии, которые далеко не во всём согласны между собою, и что несправедливо и неполитично за ошибки, допущенные одною из этих партий, наказывать все, лишая их учреждения, служившего органом их жизни. Но ему гораздо более важным казалось то обстоятельство, что при помощи двух парламентов управлять очень трудно и нелегко добиться согласного действия с их стороны даже в наиболее серьезных вопросах. Так например, когда он захотел провести начала свободной торговли, то ирландский парламент принял его 11 резолюций, а английский не принял. Во второй раз, когда у Георга III стали замечаться признаки умопомешательства и возник вопрос: как быть, должен ли пользоваться регент всеми правами короля, или нет, и если не всеми, то какими именно, то и в этом случае оба парламента дали два совершенно противоположных решения: английский принял резолюцию, что регент пользуется всеми правами, ирландский же, — что не всеми. К счастью, Георг III тогда выздоровел, и это невозможное положение не имело практического значения. Но, как мы видим, даже в таких важных и серьезных для государства вопросах нельзя было добиться единодушия от двух парламентов.

И вот, под влиянием подобного рода обстоятельств у Питта является мысль о слиянии ирландского парламента с английским. В январе 1799 года давно обсуждавшийся вопрос поставлен был на очередь в парламентских делах и при том сразу в обоих парламентах. Защищая свое предложение в английском парламенте, Питт доказывал, что решение вопроса об эмансипации католиков скорее может состояться в соединенном парламенте, чем в отдельных и что соединению должно благоприятствовать то, что Ирландия говорит тем же языком, имеет те же законы и нравы, как и Великобритания (на самом деле было как раз наоборот). В английском парламенте приняты были резолюции, благоприятные унии; но в ирландском парламенте Питт потерпел неудачу. Резолюция об унии была отвергнута большинством 109 голосов против 104, и это решение палаты было отпраздновано жителями Дублина блестящею иллюминацией. Тогда Клэр подал обстоятельный доклад, в котором он разъяснял, что обыкновенным путем победить сопротивление ирландского парламента нельзя будет, что более удобно и целесообразно в данном случае обратить внимание на материальные интересы, которые затрагиваются

уничтожением ирландского парламента. Он указал на землевладельцев-протестантов, на адвокатов, парламентских подрядчиков и многих других, которые все теряли часть своих доходов от уничтожения парламента; поэтому он предлагал вознаградить их за эти потери. В докладе подробно исчислены статьи предполагаемого расхода: владельцам гнилых местечек — 756 000 ф. ст., адвокатам — 200 000 ф. ст., покупателям парламентских мест — 75 000 и т. д., всего лорд-канцлер Клэр предполагал израсходовать на приобретение большинства голосов полтора миллиона ф. ст. (на наши деньги 15 миллионов рублей). Правительство поторговалось немного и сошлось на 1 260 000 ф. ст. Герцог Корнуэльс находил, что этих подкупов будет недостаточно для решения дела, если с унией не будет связан вопрос об эмансипации католиков. С этою целью он послал лорда Клэра в Лондон для разъяснения министерству взглядов наместника. После обсуждения дела присутствующие министры высказались в пользу эмансипации католиков, имея, однако, в виду мнения отсутствующих товарищей, а главное, мнение короля, они не решились связать вопрос об эмансипации с вопросом об унии; но они приказали лорду Клэру сообщить герцогу Корнуэльсу, что он не должен давать католикам никаких категорических обещаний, но может дать им понять, что существуют веские основания полагать, что эмансипация католиков состоится, если решен будет вопрос об унии. Таким путем старались задобрить католиков. Когда дело было таким образом сделано и Клэр заплатил кому следовало, ирландский парламент согласился на собственное уничтожение. Предложение, которое прежде имело за себя всего 104 голоса, прошло теперь значительным большинством голосов, 158 против 115. Напрасно старался Граттан всеми силами удержать членов парламента от политического самоубийства. Когда дело уже было решено и резолюция, благоприятная унии, принята, он обратился к парламента с такими словами: «Конституция может быть на известное время потеряна, но целый народ не может затеряться. Министры короны должны будут в конце концов сознаться, что вовсе не так легко достойную уважения нацию всегда держать в унижении искусственными мерами и большими подкупами. Свобода слова возвратит себе свои золотые лучи и с сугубой теплотой согреет ими землю... Я не считаю свою отчизну погибшею, я вижу, она в забвении; но она не умерла. Хотя она и лежит в могиле беспомощно и неподвижно, но на её устах еще играет дух жизни и блеск красоты... Пока цела хотя одна доска корабля, я буду за нее держаться... верный судьбе моей родины, верный свободе, верный ей даже до гибели».

Эти исполненные глубокого чувства слова произвели мало впечатления на сердца и умы людей, ослепленных блеском английского золота. Так прекратил свое существование ирландский парламент в 1800 году! Условия, на которых произведено было соединение, были следующие: Ирландия посылает 100 депутатов в английский парламент, из которых 64 от графств, а 36 от городов и местечек. Число её депутатов в отношении к числу депутатов Великобритании поставлено было, следовательно, как 1 к $5\frac{1}{2}$, хотя число жителей Великобритании к числу жителей Ирландии относилось как $2\frac{1}{2}$:1. Объяснение такого несоразмерного уменьшения числа депутатов Ирландии, лорд Клэр (Кэстльри) находил в том, что общая сумма податей, уплачиваемых Великобританией, относится к сумме податей Ирландии, как $7\frac{1}{2}$:1. Поэтому, говорил он, решили взять среднее отношение между указанными, и получилось отношение $5\frac{1}{2}$:1, которым определилось число депутатов Ирландии. Объяснение вполне торгашеское! Какое же значение имела для Ирландии эта мера? — На первый взгляд может показаться, и многие историки держатся того мнения, что событие это не имело большого значения для Ирландии, потому де, говорят эти историки, что ирландский парламент на самом-то деле не был ирландским, а являлся представителем всего-навсего 600 000 протестантского населения. С справедливостью этого довода нельзя не согласиться, но нельзя не согласиться и с тем,

что, во 1), ирландский парламент, как всякое дело рук человеческих, подлежал со временем усовершенствованию и улучшению, так что он со временем мог бы стать истинным представителем страны и выразителем её нужд; во 2), даже и эти представители-протестанты всё-таки были в своей стране; стало быть, при всём своем эгоизме, они волей-неволей удовлетворяли интересы населения всей страны, подчиняясь, хотя и не в значительной степени, давлению общественного мнения. — Что это действительно так было, мы видели на примере земской партии с Граттаном и Флудом во главе. Самое существование этой земской партии и достигнутые ею реформы доказывает справедливость нашего предположения, что ирландский парламент стал бы со временем ирландским и по духу, не только по имени. В 3), наконец, эти люди, которые избирались до сих пор в депутаты ирландского парламента как-никак, а были всё-таки у себя дома и следовательно больше могли знать местные нужды, нежели люди, сидящие в лондонском парламенте. Вот соображения, которые говорят против тех взглядов, что ирландский парламент был только символом ирландской автономии и что уния не имела никакого существенного значения для Ирландии. Потеря Ирландии была несомненна. Она могла бы быть в значительной степени смягчена дарованием католикам права быть избираемыми в соединенный парламент. Как мы знаем, они надеялись на это.

По совершении унии, Питт поставил этот вопрос в совете министров; но встретил упорное сопротивление со стороны Георга III. У него не хватило твердости настоять пред королем на своем мнении, пригрозив отставкой министерства, и дело эмансипации католиков отложено было на тридцать лет.

Теперь я опять вынужден уклониться на несколько минут в сторону и сказать два слова о влиянии на английское общество, как и на всю Европу, эпохи Наполеоновских войн. Эпоха эта закончившаяся Венским конгрессом вызвала во всех общее утомление. Это обыкновенная сторона человеческого духа, что после сильного возбуждения настает утомление, когда только и хочется, что отдаться полному, ничем не возмущаемому покою, и не рад бываешь, если тебя во время такого покоя вздумают подвинуть в деятельности; является даже раздражение. Конечно, *la comparaison n'est pas la raison* (сравнение — не доказательство), но всё-таки подобную черту мы легко подметим и в обществе, точно также как и в отдельном человеке. Такой период затишья, утомления общества мы видим после 1815 года. В десять лет революции люди пережили так много, сколько перед тем не переживали в целое столетие. В пятнадцать лет наполеоновской диктатуры Европа видела так много перемен в международных отношениях, в государственном устройстве, в общественном устройстве, в общественной организации... Эти перемены следовали друг за другом с такой быстротой, что люди едва успевали очнуться от одного зрелища, как перед их недоумевающим взором вставало другое, не менее неожиданное. Европейские отношения были потрясены в своих основаниях, ниспровергнуты были старинные учреждения, древние традиции были отвергнуты, могущественные интересы были нарушены, и над всем торжествовала диктатура человека, ценившего людей на вес пушечного мяса; его поддерживала нация, опьяненная национальной гордостью и военною славою, и из конца в конец носились по Европе эти легионы, проливая потоки крови в громадных сражениях. На полях Бородина начался последний акт этой исторической трагикомедии, заревом московского пожара освещено было грядущее восстание народов против всемирного господства; на полях Лейпцига пало владычество Наполеона над Европой, на высотах Монмартра уничтожено его господство над Францией. Миллиардами денег и миллионами жизней считаются потери Европы в Наполеоновских войнах. Покончив их, европейское общество старается обеспечить свое спокойствие. Чем? — Реакцией против принципов 89 года, в которых видели корень всего зла. Сами бывшие сторонники последних во множестве перешли в лагерь реакции, под влиянием отчасти

разочарования, вызванного революционным временем, частью под влиянием испуга. Мы говорили о том, как была велика вера в силу человеческого разума, в жизнедающую силу свободы, в умиротворяющее значение принципа равенства. Что случилось с этими верованиями? Разум не устоял против человеческого чувства, под влиянием которого самые непреложные истины подвергались сомнению. Свобода не пересоздала общества, как бы по магию волшебного жезла, в французы сами отреклись от неё, сотворив себе железного кумира. Одно гражданское равенство не дискредитировало себя; но зато сколько ненависти оно вызывало во всех остатках феодального строя! А ведь можно смело утверждать, что огромное большинство правящих классов Европы состояло из приверженцев этого строя жизни.

Таким образом, жажда покоя, панический страх пред призраком свободы, разочарование, желание возвратиться доброе старое время, всё соединилось в пользу реакции, наступившей с 1815 года и нашедшей отголосок в Англии. Её непосредственно не коснулись потрясения, поколебавшие континент, но ведя упорную борьбу с Францией и Наполеоном, она не могла не увлечься до чувства вражды против принципов революции, не могла, поэтому, и остаться чуждою общему реакционному настроению, хотя вообще оно было в Англии гораздо слабее, чем на континенте. Питт переходит на сторону тори, масса подобных же людей следуют примеру Питта. Наступает, таким образом, полное господство тори и застой в английской жизни вплоть до 1825 года. При господстве тори могли быть издаваемы хлебные законы; но об эмансипации католиков хлопотать с успехом нельзя было. За это дело берутся однако в 20-х годах в Англии министр Каннинг, а в Ирландии О'Коннель.

О'Коннель, младший сын католической семьи, предназначался или в священники, или в адвокаты. Учился он сначала дома, потом отправился во Францию, в С. Омер, где окончил иезуитскую коллегию и, возвратившись на родину, предпочел адвокатскую карьеру. Первые успехи не удовлетворили его и не побудили довольствоваться обеспеченным и покойным положением. Адвокатская деятельность казалась ему тесной, как тесною казалась самая большая зала для его громового голоса. Его, славлюбивого от природы, манило поприще народного трибуна. Он посещает многочисленные в то время митинги и всё более уходит на политическое поприще. Он примыкает к тому католическому комитету, который мирными средствами хотел добиться от английского правительства признания политических прав католиков. Много надежд возлагал О'Коннель на поездку Георга IV по Ирландии в 1821 году, но вскоре пришлось ему убедиться, что надежды эти были напрасны. Байрон в одной из своих сатир едко осмеивает всю эту поездку Георга IV; для нас это, впрочем, не имеет в данную минуту интереса. О'Коннель убедившись, что на короля надеяться нечего, решил образовать католическую ассоциацию, чтобы добиваться политической эмансипации для своих несчастных единоверцев. Однажды, гуляя в горах в окрестностях Виклоу с оратором Шелем, он предлагает ему образовать с этою целью общество. Представьте себе двух гуляющих в горах людей, которые вздумали вдруг образовать общество с целью добиться того, о чём, казалось, уже и думать забыли. Да из кого же создастся эта сила? Из забитых и разоренных земледельцев. Нужна была особого рода вера в себя, в свои силы, чтобы при таких наличных обстоятельствах мечтать об образовании сильного общества. Эта вера не обманула его. В течении каких-нибудь двух лет брожение в Ирландии, благодаря О'Коннелю, распространяется в больших размерах. Красноречие этого человека было положительно каким-то исключительным красноречием. Обладал О'Коннель громадным голосом, который раскатывался, подобно грому, над головами нескольких тысяч слушателей. Он достигал всюду, всем одинаково слышны были эти увлекательные слова, выходявшие из наболевшего сердца человека, горячо любящего свою родину и

преданного ей всей душой и телом. Начинал он обыкновенно с шутки-прибаутки над кем-нибудь, кто попадался под руки. Попадался католик — ладно, протестант — также хорошо. Публика с большим вниманием слушала его, и он незаметным для неё образом переходил к интересующему его предмету, и вся аудитория, сколько бы её ни было, увлекалась и электризовалась, как бы один человек. Речь его была шероховата, неправильна, несистематична, встречались в ней частые повторения одного и того же предмета. Но в том-то и дело, что массе, которой трудно следить за оратором, если он строго, логично и систематически проводит свою мысль, и необходима именно такая живая, увлекательная речь, а повторения и лишние разъяснения увеличивали её вразумительность. О'Коннель заражал слушателей силою своего чувства. Мы не знаем, как происходит это заражение; но отрицать его никто не станет, и оно тем сильнее, чем сильнее чувство оратора. В этом умении передавать свои чувства, которые все сводились к одному — любви к отечеству и желанию ему блага, и заключается весь секрет и вся сила ораторского таланта О'Коннеля. Благодаря всем этим качествам, О'Коннель достиг небывалых успехов. В 1826 году он решается, поистине, на своего рода *tour de force* (проявление силы, способностей), который, однако, ему вполне удастся. В Ватерфорде и Луте происходят выборы членов парламента, и О'Коннель решается выставить кандидатами двух либеральных протестантов против двух могущественных лендлордов, члены фамилии которых издавна неизменно были представителями названных местечек. Если прочесть письма Дювержье-де-Горанна о том, как происходили тогда выборы, то решение О'Коннеля нам покажется еще более достойным удивления. Избирателем по закону мог быть всякий, кто владел землею, приносящею пожизненного дохода 40 шиллингов. Дабы сделать своих арендаторов избирателями, лендлорды заключали с ними пожизненные контракты. Предполагалось, что если кто, за уплатою ренты, имеет возможность жить и содержать свою семью на данном клочке земли, то ясно, что последняя приносит более 40 шил. в год доходу, а арендатор её есть пожизненный владелец такого дохода. Но чтобы такой пожизненный арендатор не оставался независимым, против его всегда был готов исполнительный лист по поводу просрочки или несоблюдения других условий договора. Во всякое время поэтому его можно было прогнать с пожизненного участка при малейшей строптивости. Поэтому арендаторы всегда подавали голоса по приказанию лендлордов.

Вы понимаете, что одержать победу при таких условиях выборов значит одержать поразительно блестящую победу. Выборы состоялись в пользу намеченных О'Коннелем кандидатов.

Этот результат выяснил во всём объеме силу движения, поднятого О'Коннелем в Ирландии, и дал понять, что настала пора уступить. Ежегодно и прежде вносились в парламент билли о даровании политических прав католикам, но без большой надежды на успех. Теперь министр Каннинг, представитель либеральной части торийской партии, поддерживает предложение Бордета о даровании политических прав католикам. Предложение принято нижнею палатою; но палата лордов отвергла его. Тогда Каннинг решается сделать из политической эмансипации кабинетный вопрос и принудить короля Георга IV согласиться на эту меру. Когда он сообщил о своем решении своим товарищам, некоторые из них оставили министерство. Между прочими вышел в отставку Роберт Пилль, таланты и характер которого Каннинг очень ценил. Он не остановился пред разрывом с тори и решился всё-таки идти вперед. Он отсрочил заседания парламента и реорганизовал министерство в более либеральном духе, пригласив вступить в него некоторых вигов и приготовился к борьбе за предпринятое дело. Смерть похитила его летом 1827 года. Его товарищи не могли удержаться без него, и чистые тори снова вступили во власть с Веллингтоном во главе и с Робертом Пиллем в качестве руководителя

палаты общин. Эмансипация католиков снова была снята с очереди государственных дел.

Но О'Коннель не дал надолго забыть ирландский вопрос. Новым, еще более смелым шагом он решается заставить торийское правительство взяться за разрешение вопроса об эмансипации католиков. В 1828 году должен был подвергнуться по обычаю новым выборам Вези-Фицджеральд, представитель графства Клэр, занявший пост председателя комитета торговли (министр торговли) и министра почт. О'Коннель выступает кандидатом против него. Избрание его, как католика, будет уничтожено, ибо оно противно закону. Но ему до этого нет никакого дела. Он добивается произвести нравственный удар, произвести громкую манифестацию в пользу религиозной свободы. Попытка могла показаться слишком смелою. Протестанты были в большом числе в графстве Клэр. Фиц-Джеральда там уважали, и даже он был популярен. К тому же знали, что он лично расположен в пользу требований католиков. Таким образом он имел много шансов на успех. О'Коннель мог рассчитывать только на свою громадную популярность, ставя свою кандидатуру против представителя правительства. При наличных условиях борьба между двумя соперниками была не личной борьбой; это была борьба английского правительства в лице его представителя с католическою ассоциацией в лице главы её. Никто не скрывал от себя всей важности завязавшейся борьбы. Борьба была жаркая. Поддача голосов была открытая. Это значительно оживляло процедуру выборов. В течение пяти дней без перерыва сорокашиллинговые избиратели являлись в Еннис, главный город графства, отдельными отрядами, по приходам, под предводительством своих приходских священников; в течение пяти дней удлинялись всё более и более в полбукке (Poll-Book) столбцы голосов, поданных за О'Коннеля. В конце пятого дня Фиц-Джеральд оставил поле сражения, видя бесполезность борьбы. Правительство потерпело поражение и притом решительное. Но О'Коннель идет дальше и когда ему предложили принять установленную при вступлении в парламент присягу, он отказывается от принятия её. Его не допускают вследствие этого в парламент. Назначаются новые выборы, и О'Коннель вторично выбран. Тогда увидели, что если бы О'Коннель только пожелал сразу быть избранным во всех графствах Ирландии, то и это удалось бы ему. В Англии поняли, что стоят теперь лицом к лицу с такого рода дилеммою: или допустить О'Коннеля в парламент, или же вызвать новое восстание в Ирландии. Для правительства с здравым смыслом в такой дилемме выбора быть не может. Роберт Пилль понял это, и с этого момента его решение было принято. До открытия сессии 1829 года он занялся подготовкой своих товарищей и самого короля к уступке, ставшей необходимою. Старая протестантская партия сначала не хотела верить, что Пилль оранжист, Пилль — бывший статс-секретарь по делам Ирландии, Пилль, отделившийся от Каннинга в 1827 г. по католическому вопросу, Пилль, наконец, — эта надежда политической и религиозной реакции, — до такой степени отречется от своего прошлого. Когда сомнения рассеялись, гнев протестантов не имел границ. Пилля называли отступником. Говорили, что папа отведет ему место в католическом календаре и что скоро услышат о канонизации св. Пилля. Организовались протестантские манифестации. Крики «долой папизм» раздавались снова на улицах, как во времена Карла II и королевы Анны. В огромном числе распространялись памфлеты с целью возбудить народные страсти против католиков напоминанием об убийствах Варфоломеевской ночи и об ужасах инквизиции. Пилль непоколебимо и хладнокровно смотрел на поднявшуюся бурю и шел своей дорогой. Он склонил министров на сторону своего мнения, не без затруднений он добился согласия короля. Большинство палаты общин было обеспечено: половина партии тори последовала за ним в его политической эволюции, а либеральная партия не могла отказать ему в своем содействии в этом случае. Как только открылась сессия, он внес свой билль. Билль этот прошел. С этого момента католики получили доступ ко всем гражданским и военным должностям за исключением

звания вице-короля Ирландии, а также должностей канцлера Англии и канцлера Ирландии. Пилль воспользовался проведением билля, чтобы связать с ним две важные меры: католическое общество в Ирландии было закрыто и избирательный ценз в Ирландии был увеличен с 40 шил. на 10 фун. стер.

Эмансипация католиков справедливо считается толчком, давшим движение прогрессивному развитию Англии после тридцатилетнего застоя, бывшего следствием реакционного настроения общества. С этого момента безраздельность господства тори была нарушена, и либеральная часть этой партии всё более сближается с наиболее умеренными вигами, чтобы впоследствии слиться с ними. Как прежде, под влиянием испуга, вызванного революционными событиями, многие виги перешли на сторону тори, так теперь, при изменившемся настроении, происходит обратное явление. Вслед за эмансипацией католиков является на сцену реформа парламента 1832 г., а за нею следуют: реформа церковного устройства в Ирландии, отмена хлебных законов и т. д. Словом, политический прогресс Англии идет вперед почти непрерывно, приостанавливаясь иногда на весьма недолгое время; но ни разу не делая такой паузы, какая была в первой четверти столетия.

Что касается Ирландии, то с эмансипацией католиков туземному населению Ирландии открывался путь к влиянию на политические дела своей страны. Не в том было дело, что католики стали представлять в английском парламенте Ирландию; число католиков в парламенте между представителями Ирландии всегда было меньше числа протестантов; но в том, что католики-туземцы получили право иметь своих представителей и могли пользоваться этим правом для заявления своих желаний и своих нужд. Естественно поэтому, что после эмансипации католиков действительные нужды Ирландии удовлетворяются гораздо скорее, чем прежде, и в истории Ирландии снова занимается заря свободы, которая согреет ее. Если прежнему ирландскому парламенту ставился упрек в том, что он служил выразителем желаний лишь незначительного кружка людей в этой стране, а не огромного большинства её населения, то теперь этот упрек потерял силу, и потому можно было подумать о восстановлении ирландского парламента, не опасаясь с его стороны какой-либо тирании. И, действительно, мы видим, что немного спустя после издания закона об эмансипации, появляется вопрос о «репилле», т. е. об уничтожении унии 1800 г. и восстановлении ирландского парламента. Это движение, поднятое О'Коннелем, выродилось с одной стороны в революционную деятельность «молодой Ирландии», а затем в фенианизм, а с другой стороны имеет своим прямым наследником партию «Номе рале» с Парнеллем во главе, стремящуюся к тому же, что и репилль, т. е. к самоуправлению Ирландии.

С уничтожением *test act'a* вопрос о католиках покончен не был. Оставался еще вопрос церковный, который имел для ирландцев немалое значение в материальном и нравственном отношениях. Этот церковный вопрос уже издавна был вредным наростом на теле ирландцев, и он до того уж теперь назрел, что необходимо стало удалить его. И в самом деле, в Ирландии, где протестантского населения считалось всего на всего 600 000 (на 8 000 000 католиков) англиканское духовенство состояло из 4 архиепископов, 18 епископов, 22 каноников и 1 400 священников, а доход этого духовенства составлял более чем 800 000 ф. ст., эта цифра образовывалась из следующих частей: десятин давала 650 000 ф. ст., доходы церковных земель 150 000 ф. ст. и кроме того, специальный еще церковный налог — 60 000 ф. ст. Таким образом, религиозные потребности 600 000 протестантского населения удовлетворялись духовенством, стоившим более 8½ миллион. рублей на наши деньги; деньги же эти, заметьте, должны были платить католики, духовенство которых от правительства не получало ни гроша. Эта вопиющая несправедливость в отношениях правительства к духовенству двух частей населения и

представляет собою нравственную, так сказать, неприглядную сторону этого вопроса. Не менее тяжка была и материальная сторона его. Особенною тяжестью ложилась на католиков десятина, которая еще в XVIII ст. была чрезвычайно высока, так что, например, человек, который зарабатывал в день 6 пенсов, платил, как указывал Граттан, 18-20 шиллингов (в год), или, переводя это на наши деньги, будет примерно так: человек, зарабатывающий 75 рублей в год платит 7½ руб. десятины. Согласитесь, что это страшно тяжелая подать. Тяжесть увеличивалась еще способом взимания её. Она обыкновенно отдавалась на откуп и на условиях слишком выгодных для откупщиков. Обыкновенно в пользу их оставалась 1/2 валового сбора. Благодаря этому, если духовенство получало 800 000 дохода, то с народа взималась не эта сумма; последняя составляет лишь 1/8 той, которая взята была с него и которая равняется 1 200 000 ф. ст.

В начале 30-х годов вопрос этот обостряется отчасти голодом, отчасти же агитацией, поднятою с целью освобождения от тяжелого и несправедливого налога в пользу чуждого духовенства. Голод явился с одной стороны следствием роста народонаселения при неправильном земельном устройстве, а с другой следствием чисто стихийного обстоятельства: картофель, который составлял главный предмет питания ирландцев, не уродился... и вот готов голод. При таких условиях платеж десятины, само собой понятно, затрудняется, и ирландцы не хотят платить ее; они к тому же вполне сознают несправедливость этого налога. Под влиянием этого сознания образуются общества «Черные Ноги» и «Белые Ноги», ставящие своею задачей воспрепятствовать платежу и взиманию десятины. Отряды этих обществ бегают по стране, уговаривая ирландцев не платить десятины. Их совет охотно выслушивается, и платеж десятины приостанавливается всюду. Если же у недоимщика описывают имущество для пополнения недоимки, то не оказывается охотников купить его. Приходится вести скот для продажи в Дублин или даже в Англию. Между тем по дороге никто не хочет давать сена для прокормления скота, даже на вес золота. Скотина падает дорогой от голоду, и взыскать десятину всё-таки не удастся. Сопrotивление платить десятину охватило всю страну. «Белые» и «Черные Ноги» не ограничиваются пропагандой пассивного сопротивления. Они нападают на откупщиков десятины, грабят их, иногда убивают, очень часто поджигают их жилища. Англиканское духовенство, особенно низшее, стало в крайне затруднительное положение; его доходы прекратились и жить стало нечем. — При таких обстоятельствах вигское министерство берется за решение церковного вопроса. — В 1838 году в парламент был внесен Дж. Росселем проект замены десятины рентою, которую бы взимало правительство в раз- мере 60% первой, и чтобы государство уже от себя выплачивало жалованье духовенству. О'Коннелль протестовал против этого, говоря, что суть дела-то от этого не переменается, что в результате будет только то, что правительство, взимая ренту, заменяющую десятину, перенесет на себя всю непопулярность, которая теперь падает на англиканское духовенство и сборщиков десятины. — Билль Росселя был принят с двумя изменениями. Рента, заменяющая десятину, была возвышена до 70% размера последней; излишек суммы, получающийся за выплатой содержания духовенству ни под каким видом не может быть употребляем государством по его усмотрению, а должен быть обращаем только на нужды англиканского духовенства. Это ограничение, навязанное Дж. Росселем консерваторами, было очень важно: оно отрицало право государства секуляризовать хотя бы часть имущества церкви.

Таким образом, закон о десятинах 1833 года далеко не был еще решением церковного вопроса, ибо на ирландских католиках всё же оставлена была обязанность содержать чуждую им церковь, хотя способ взимания денег изменился и тяжесть налога уменьшилась.

Спустя некоторое время ирландский вопрос осложнился вопросом аграрным и

фенианскую революционную деятельность. Недостаток времени не позволяет мне заняться изложением истории фениев, деятельность которых несомненно оказывала влияние на судьбы Ирландии; но я должен попросить вас уделить ваше внимание некоторым фактам из второго периода их истории, так как они находятся в непосредственной связи с новой постановкой ирландского церковного вопроса в 1868 году.

В Сентябре месяце полисмены города Манчестера увидели ночью несколько человек, которые показались им подозрительными. Приняв их за ночных воров, они арестовали их и когда на следующий день они были доставлены в магистрат, то оказалось, что двое из них Келли и Диззи были фении, замешанные в ирландском восстании. Когда 18-го сентября их привезли на вторичный допрос, толпа в коридорах суда и на прилегающих улицах была так велика и настроение её так сомнительно, что власти решили значительно усилить конвой при препровождении арестантов из суда в тюрьму. Последняя находится за городом, в трех милях от него. Семеро констеблей поместились на крыше тюремной кареты, один стал у дверей её и многие другие поехали за каретою в отдельном кэбе. Дорога в одном месте проходит под железнодорожным мостом. Едва достигла карета этого места, как из засады на полицейских напала толпа в 40 человек, большинство которых было вооружено револьверами, другие топорами, молотками и большими камнями. Все они, по-видимому, находились под начальством высокого молодого человека, который бросился к кучеру и закричал ему: стой! Когда последний не послушался этого приказания, он выстрелил. Этот выстрел послужил сигналом нападения. Раздался залп. Лошади были убиты; кучер сбит с козел ударом камня. Полицейские сбиты камнями и пистолетными выстрелами. Аллен, так звали предводителя нападавших, выстрелом в голову покончил с сержантом Бретом, стоявшим у дверей кареты и не желавшим допустить до неё, а другим выстрелом сбил замок двери. Полицейские, оставшиеся целыми, не могли оказать серьезного сопротивления. Они были вооружены лишь палками. Пока одни из нападавших выводили из кареты Келли и Диззи и развязывали им веревки, другие пистолетными выстрелами держали на приличной дистанции полицейских и сбегавшуюся на шум толпу любопытных.

Развязав арестантов, они их поместили в середку себя и вместе с ними скрылись в соседних полях. Кэлли и Диззи исчезли бесследно. Удалось отыскать и арестовать многих из нападавших и между ними Аллена. Весть об этом произвела страшное впечатление в Англии. Где же после этого спокойствие, если среди бела дня совершаются нападения на полисменов, освобождаются преступники и всё это, видно было, направляется умелою и сильною рукою? Из 26 арестованных пятеро были приговорены к смерти. Двое из них были помилованы, а трое Аллен, Ларкин и Гуд были казнены.

Но не успели еще опомниться от сентябрьского покушения фениев, как в декабре они опять заявили о себе и на сей раз еще более грозным образом. Двое выдающихся фениев Борк и Чези попались в руки лондонской полиции в начале декабря 1867 г. и были посажены в Клэркенуэльскую тюрьму. 13-го декабря в 3½ часа дня окрестности Клэркенуэля были потрясены страшным взрывом, от которого обвалилась часть тюремной стены в длину на 80 метров и сильно пострадали соседние дома. Дознание выяснило, что каких-то два лица привезли бочку, свалили ее к стене и удалились, зажегши фитиль. Попытка была сделана смело; но она не достигла цели, т. е. освобождения арестованных фениев. Начальство тюрьмы получило неясные сведения о готовящейся попытке освободить их, а потому распорядилось отменить обычную прогулку их между 3 и 4 часами дня по двору тюрьмы и заменить ее прогулкой рано утром. Но взрыв имел другие результаты. Сорок человек, между ними большею частью дети, было убито, искалечено и изранено взрывом. Такая хладнокровная, ни пред чем не останавливающаяся жестокость

со стороны фениев ужаснула всех и давала понятие о глубине ненависти, которую питают ирландцы к англичанам, и страшном нравственном беспорядке, царящем в части ирландского народа. Дело Ирландии потеряло множество симпатий после описанных покушений.

Для нашей цели достаточно остановиться на действиях фениев в 1867 году. После известного, хотя и очень скромного по своим размерам, покушения фениев на вторжение в Канаду, покушения, окончившегося полной неудачей, на собрании фениев в Нью-Йорке было решено попытаться вызвать восстание в некоторых городах самой Англии. Результатом этого решения была попытка овладеть городом Честером, который должен был служить базисом для дальнейших действий. — Честер лежит в сев.-западной части Англии и служит узловым пунктом железных дорог, идущих на север через Ливерпуль, Манчестер, Шеффилд и далее в Шотландию и идущих на юг через Бирмингам в Лондон. Предположено было сделать нападение 11 февраля 1867 года, захватить замок Честера со складом оружия и военных припасов, уничтожить рельсовые и телеграфные пути, идущие из Честера и лишить его таким образом помощи извне; захватить курьерский поезд, идущий из Честера в Гуллигед, овладеть пароходом, ожидающим в Гуллигед прихода курьерского поезда и перевезти на нём всё оружие и снаряды из Честера в Ирландию. План был очень искусно задуман и мог быть легко приведен в исполнение, так как в Честере находилось всего 54 человека гарнизона, если бы случайно не был открыт. В 12 часов ночи с 10 на 11 февраля магистрат Честера получил сведения о готовящемся покушении и им сейчас были приняты меры к предупреждению его. По телеграфу было дано знать в Бирмингам и Лондон, дабы присланы были войска. На вокзал железной дороги послан был сильный отряд полиции, что бы следить за приезжающими пассажирами. В 2½ часа ночи пришел первый поезд из Ливерпуля, который привез первые отряды заговорщиков. Люди эти разделились на несколько кучек и рассеялись по разным сторонам города. Затем с поездами из Лидса, Манчестера и Галифакса прибывали партии подозрительных пассажиров, так что к обеду число их можно было определить тысячи в полторы человек. Они собирались вместе, разделялись на отряды и двигались по направлению к цитадели. Все они были вооружены. Роковая минута наступала; но в это время прибыла рота солдат из Манчестера; получена телеграмма, что из Лондона посылается для подкрепления полк гвардии. Заговорщики увидели, что их план открыт. Очевидно было, что не только не может быть речи о внезапном нападении на цитадель; но что следует скорее спастись. Они побросали оружие и во время рассеялись: только валявшееся по улицам оружие свидетельствовало о бывшем заговоре. — Всё это произошло и миновало так скоро, что когда в Лондоне получены были первые известия о случившемся, то там даже не поверили им и считали сначала весь заговор выдумкой досужих репортеров, пока более обстоятельные сведения не подтвердили истины. — Так как одновременно с покушением на Честер должно было начаться восстание в Ирландии, то пока туда дошло известие о неудаче фениев в этом городе, произошло всё-таки небольшое восстание в Кэрри. — После того в марте (1867) вспыхнуло восстание в нескольких местах Ирландии, которое не имело единства и было вообще незначительно. В руки правительства попали главные руководители этого восстания Борк и Мак-Афферти; оба были приговорены к смертной казни. Приговор этот произвел тяжелое впечатление в Англии. Англичане полагали, что политический эшафот навсегда упразднен в Англии и английская пресса не раз в последние годы жаловалась на политические казни в некоторых государствах континента. Во многих городах Англии состоялись митинги, на которых постановлены были резолюции в пользу помилования осужденных. Один из таких митингов состоялся под председательством Джона Стюарта Милля; на нём постановлен был протест против смертной казни, причём указано было на пример

американцев, которые никого из восставших не предавали казни. Депутация от митинга представилась лорду Дэрби с петицией о помиловании осужденных. Министерство оказалось склонным удовлетворить просьбу. Мак-Афферти и Борк были помилованы. Затем несколько месяцев прошло спокойно; все расположено было думать, что февральские и мартовские события были последними проявлениями деятельности фениев; как вдруг осенью 1867 г. произошли такие покушения, которые глубоко поразили англичан, как своею смелостью, так и глубиною проявившегося в них ожесточения.

В эту трудную для Ирландии минуту выступает на защиту её справедливых требований Гладстон. В марте месяце 1868 г. в парламент внесено несколько резолюций депутатом Ирландии Магиром, которые касались тяжелого положения его родины. В прениях приняли участие Лоу и Брайт со стороны оппозиции, Стаффорд Норскот со стороны правительства. Речи этих ораторов слушались с уважением, но без большого интереса, так как их точка зрения на дело была известна. Каждый знал вперед, что они скажут. Прения длились уже четыре дня, когда Гладстон попросил слова. Человек этот весьма своеобразен по развитию своего мировоззрения. Обыкновенное явление, что люди в молодости увлекаются передовыми и часто даже крайними идеями и затем, входя в зрелый возраст, покидают их и становятся самыми упорными консерваторами. Ходить за примером далеко не нужно. В 1832 году Стэнлей сидел на скамьях либералов; в 1867 г. он, под именем лорда Дэрби стоит во главе консервативного министерства. Путь нравственной жизни Гладстона был противоположным. Когда он был студентом Оксфордского университета, он отличался ретроградными воззрениями и даже написал сочинение об отношениях церкви и государства, в котором в таких выражениях проповедовал тесный союз трона и алтаря, от которых не отреклись бы самые ярые тори. В 1832 году он вступает в парламент и занимает место в консервативной партии. Но с течением времени он из строгого тори становится умеренным, потом всё ближе становится к либералам и, наконец, с 1859 года он окончательно переходит в ряды последних. Но на этом не остановилось его развитие. С каждым шагом жизни его убеждения становились демократичнее, и во время обсуждения парламентской реформы 1867 года он вносит предложения, опережающие стремления многих членов либеральной партии. Теперь, год спустя, никто не мог сказать, в каком фазисе находится умственная эволюция этого государственного человека и все наострили уши, когда он встал с места, чтобы говорить по ирландскому церковному вопросу. Велика была сенсация, когда среди всеобщего внимания он высказался в пользу наиболее радикального решения этого вопроса, того решения, которое уже давно требовалось безуспешно радикалом Брайтом. «Ирландская церковь, сказал он, как государственное учреждение, должна перестать существовать». Когда затем ему пришлось формулировать свою мысль в виде парламентских резолюций, так как Магир благоразумно взял назад свои предложения, то он выразил их так: «палата считает необходимым, чтобы епископальная церковь в Ирландии перестала существовать, как церковь государственная, само собой разумеется, что положение нынешних представителей церкви будет сохранено за ними пожизненно». Резолюции эти горячо дебатировались в парламенте. Происходит отчаянная схватка между Гладстоном и главою консервативной партии Дизраэли. Большинство парламента высказалось за Гладстона и против Дизраэли. Но последний был слишком ловкий парламентский игрок, чтобы так скоро уступить своему противнику. Он заявляет, что в виду принятого палатою решения, правительство сделает постановление, о котором уведомит со временем палату. Все поняли, что речь идет о распусчении парламента и потому все сейчас же стали готовиться к выборам. Принимая такое важное решение, Дизраэли рассчитывал, что множество новых избирателей, созданных последнею парламентскою реформой 1867 г., подадут голос в его пользу, так как он

провел эту реформу. Единственный вопрос, который стал предметом избирательной борьбы, был вопрос об упразднении англиканской церкви в Ирландии. Все кандидаты в члены парламента распадались на две большие партии: сторонников и противников этой меры. 1 400 000 голосов высказались за сторонников программы Гладстона, 800 000 за правительство. Торийское министерство подало в отставку, и главою нового министерства стал теперь Гладстон. Еще во время избирательной борьбы Гладстон сказал в одной из своих речей, что три язвы разъедают Ирландию: англиканская церковь, поземельное устройство и система воспитания. Таким образом, английский народ, высказавшийся за него таким громадным большинством голосов, тем самым дал ему полномочие на осуществление задуманных реформ. 1 марта 1869 года Гладстон вносит билль об отделении церкви от государства в Ирландии, который был лишь развитием резолюций, принятых годом раньше. Епископальная церковь в Ирландии, как учреждение государственное, этим биллем упраздняется, и все имущества её в сумме 16 миллионов секуляризуются. Имущество епископальной церкви, ценность которого определялась в 16 мил. фун. ст., передавалось временно государственной комиссии, а потом часть его должна была с 1 января 1871 г. поступить в ведение представителей общин разных исповеданий. В ведение общин протестантских предполагалось отдать имуществ на 6 мил.; на нужды католического и пресвитерианского духовенства отделить 2 мил. фун. ст., а остальные 8 мил. обратить на содержание учебных и благотворительных учреждений. Билль был принят палатой общин, но встретил сопротивление в палате лордов. Чтобы склонить их к принятию билля, Гладстон согласился сделать уступки в том смысле, что вместо 6 мил. он согласился отдать имуществ на 12 мил. на содержание англиканской церкви, 2 мил. на учебные и благотворительные учреждения и 2 мил. на содержание католического и пресвитерианского духовенства, В таком виде билль прошел и через палату лордов и с июля 1869-го года стал законом.

Рассматривая значение такого решения этого вопроса, мы видим, что оно имеет значение более в нравственном смысле, чем в материальном отношении. Выигрыш для католической церкви был очень незначительный — всего каких-нибудь 2 миллиона фунтов; что касается населения, то оно получило облегчение вследствие прекращения ренты, которую получало англиканское духовенство вместо десятины. Но важно было то, что произошло упразднение государственной церкви, что обе церкви были признаны правительством равноправными. Брайт справедливо говорит по этому поводу: «Епископальная церковь в Ирландии есть церковь завоевания. Это не только верно исторически; но я полагаю, что нельзя допустить, чтобы культ, исповедуемый ничтожным протестантским меньшинством, мог быть установлен и поддерживаем среди нации исключительно католической иначе, как по праву завоевания... Я имел случай говорить несколько лет тому назад и повторяю теперь: политика Англии по отношению к Ирландии сделала из католицизма не только символ веры, за который ирландский народ держится с героической и отчаянною настойчивостью, но и дело патриотизма, за которое его сыны готовы страдать и если нужно умереть. Чем более я размышляю о настоящей великой мере, тем более я признаю ее способною создать тесное и прочное единение Англии и Ирландии».

Ожидания Брайта, однако, не вполне оправдались. Ирландцы остались недовольны тем, что на содержание церкви, которая считала в Ирландии только 600 000 приверженцев, отдано было 11 мил., тогда как для католиков, пресвитериан и на благотворительные и учебные учреждения дано всего-навсего 4 миллиона. Нельзя не признать справедливость этого недовольства. — Кроме того целый ряд национальных отношений, породивших глубокую вражду, а еще более отношения земельные препятствовали этому примирению.

Земельное устройство и доныне является главным образом причиною недовольства ирландцев против англичан. Над разрешением земельного вопроса трудились и трудятся лучшие умы Англии и пока всё еще без большего успеха, хотя дело несомненно двинуто вперед.

Изложение истории этих отношений в XVIII и XIX столетиях и посильное разъяснение этого вопроса вместе с общим заключением и составит предмет моей третьей беседы.

III.

Ведя избирательную компанию 1867 года, Гладстон уподобил Ирландию путнику, находившемуся под ветвями дерева обремененного ядовитыми плодами. Эти ядовитые плоды, которыми наделила Англия Ирландию суть: епископальная церковь, поземельное устройство и система образования. В предыдущих беседах мы говорили и о политических и религиозных отношениях англичан и ирландцев, закончившихся подавлением политической жизни последних и долговременным религиозным гнетом. Прошлая беседа была посвящена вопросу, к каким результатам привел этот религиозный гнет и как, *volens-nolens* (волей-неволей), Англия вынуждена была прекратить его, вынуждена была согласиться на политическую эмансипацию католиков и на отделение церкви от государства в Ирландии. Епископальная церковь прекратила свое существование для ирландцев-католиков, оставаясь учреждением для них необязательным. Теперь мы обратимся к другому плоду английского господства в Ирландии, а именно к поземельному устройству, которое, как кажется с первого взгляда, служит теперь единственною причиною ненависти ирландцев к англичанам. Но на самом-то деле, оно только выступило на первый план и заслонило собою другие интересы национального, политического и религиозного характера, которые продолжают всё-таки существовать как пережиток, т. е. самые факты, вызвавшие те или другие чувства прекратились уже, но чувства, возбужденные этими фактами, продолжают еще существовать, побуждая народ к мщению за прошлые обиды.

Едва успев закончить покорение Ирландии, англичане принимаются за обезземеливание ирландцев. Как мы знаем из предыдущего очерка, наивысшим пунктом развития этой системы было покорение Ирландии Кромвелем, когда в силу парламентского акта ирландцы были изгнаны из восточных частей Ирландии и сосредоточены в Коннауте. По акту парламента 27 Сентября 1653 года, если кто из ирландцев окажется после 1 Мая 1654 г. по сию сторону реки Шанона, повинен смерти. Земли им принадлежавшие достались или соратникам Кромвеля, или другим друзьям парламента, успевшим во время захватить их. В этом захвате англичанами ирландских земель нужно отличать однако положение дел в Лейнстере и Мунстере от колонизации Ульстера. Ульстер действительно был колонизован, так как земли этой провинции розданы были — сравнительно не большими участками — соратникам Кромвеля и шотландским пресвитерианам, пожелавшим тут поселиться, тогда как в Мунстере и Лейнстере, собственно говоря, не было колонизации, а был только переход земель большими участками в руки англичан, не занимавшихся лично земледелием и даже в большинстве случаев не живших в Ирландии. Это было просто-напросто грабежом в очень широких размерах среди белого дня. Но что же всё-таки делать новоиспеченным землевладельцам с этими громадными участками земли, доставшимися им даром? Они не могли сами заниматься хозяйством; арендаторов англичан было немного, да и не были они такими выгодными арендаторами, как ирландцы, которым земля нужна была во что бы то ни стало. Поэтому, несмотря на угрозу смерти, ирландцы недолго оставались исключительно по ту сторону Шанона. Они стали проникать в восточную часть Ирландии в

качестве арендаторов земель английских землевладельцев и как таковые конкурировали довольно успешно с арендаторами англичанами, несмотря на то, что они не имели права заключать долгосрочных арендных контрактов и должны были платить аренду ни как не ниже 2/3 доходности земли, так наз. rack-rent. Этот успех ирландских арендаторов объясняется двумя причинами. Они действуют артелями, выбирая из своей среды одного человека, который ведет с лендлордом переговоры об аренде земли, как будто для себя, а на самом деле имея за собой целую партию арендаторов. — С другой стороны, ирландцы по необходимости должны были брать верх над англичанами в земледельческой промышленности, так как всякий другой род деятельности для них был закрыт торговой политикой самой Англии. Но хотя ирландцы и возвратились отчасти на земли своих праотцов, положение их существенно изменилось против прежнего. Прежде земля считалась принадлежностью целого клана, и каждый член последнего имел на нее известные права, пока исполнял возложенные на него обычаем повинности, которые имели определенный и неизменный характер. А так как, с другой стороны, и начальник клана был связан со своими подданными общностью преданий, обычных прав и обязанностей, то о тирании начальника клана над его подданными не могло быть речи. — Теперь наступили другие отношения. Всякое право земледельца на обрабатываемую им землю прекратилось; размер платимой им ренты определяется теперь не обычаем, а волей лендлорда, который смотрит на себя как на безусловного владельца этой земли. Благодаря сильной конкуренции между арендаторами и сравнительной немногочисленности землевладельцев, а также в силу действия изданных английских законов, рента в Ирландии обыкновенно была, как и ныне, очень высока. Но даже исполняя свои обязательства по отношению к лендлорду, арендатор не мог рассчитывать на постоянство своей аренды, его могли изгнать во всякую минуту, если это изгнание требовалось или выгодами, или хотя бы капризом лендлорда.

Мы сказали выше, что новые владельцы ирландских земель сами обыкновенно не жили в Ирландии и не занимались хозяйством на приобретенных землях. Между ними и арендаторами становится целый ряд посредников, содержание которых ложилось лишним бременем на народ. Насколько тяжелы были эти посредники, свидетельствует обычай, существовавший в некоторых местах Ирландии в половине XVIII века, обычай, по которому арендаторы, кроме платимой ими аренды, обязывались работать на посредника известное число дней в году, получая шесть пенсов подневной платы. Насколько абсентеизм лендлордов и связанное с ним посредничество были тяжелы для Ирландии, свидетельствует тот факт, что в самом начале пробуждения среди ирландцев национального и общественного самосознания — в половине XVIII стол. является в ирландском парламенте проект обложения абсентеистов особым налогом, с целью уменьшить это вредное явление. Наконец, положение ирландского земледельца ухудшалось еще национальным и религиозным антагонизмом между арендатором и лендлордом. Последний признавал себя высшим существом, самой природою назначенным для господства и смотрел на ирландца католика, как на варвара, собаку-паписта. Еще теперь, по свидетельству депутата парламента Швана, английские лендлорды в Ирландии утверждают, что саксонская раса самим небом назначена повелевать кельтами. В 18 столетии к этому самомнению лендлордов присоединилась отчаянная взаимная ненависть обеих сторон, порожденная национальными, политическими и религиозными отношениями. Нечего и говорить, что при таких условиях не могли быть созданы никакие обычаи, сколько-нибудь облегчающие положение арендатора. Особняком в этом отношении стоял только Ульстер. Там между землевладельцем и арендатором не было религиозной розни, там и численное отношение между ними было выгоднее для арендаторов, вследствие чего, как мы увидим

ниже, там создались обычаи, ставшие предметом зависти для арендаторов остальной Ирландии.

Положение ирландских арендаторов, кроме всех указанных условий, подвергалось изменениям в соответствии с переменою форм сельского хозяйства. До 60-х годов XVIII века хлеб был в цене, а вследствие этого положение арендаторов было сноснее, чем в следующий период до начала войны с Францией. Вследствие увеличивавшегося спроса на скот в Англии, в Ирландии с 60-х годов XVIII столетия развивается скотоводство на счет хлебопашества и арендаторы изгоняются с занимаемых ими земель, для того чтобы дать место лугам и пастбищам. С 1793 года — с началом войны с Францией — по 1816 год и несколько далее, благодаря тому, что в Англии идет развитие мануфактурного дела на счет земледельческой промышленности, что ввоз хлеба из других стран (Польши преимущественно) сокращается, что хлебные законы еще более стесняли ввоз хлеба, хлеб опять стоит в цене и число арендаторов снова увеличивается и рядом с этим — число изгнаний их уменьшается. В следующий за тем период и особенно позднее в 40-х годах широко прилагается правило Катона, по которому, чтобы быть хорошим хозяином, нужно заниматься скотоводством, чтобы быть посредственным хозяином, нужно заниматься скотоводством и чтобы быть плохим хозяином нужно опять-таки заниматься скотоводством. Вследствие широкого приложения этого правила число изгнаний арендаторов всё увеличивается и увеличивается, а места их домов и ферм занимают пастбища и стада рогатого скота.

Такие поземельные отношения естественно вызвали протест со стороны населения, доводимого до крайней нужды и сохраняющего, однако, свои старые представления, в силу которых арендатор считал себя собственником обрабатываемой им земли, протест против гнета лендлорда и всей системы английского господства. Протест этот выражался в появлении разбойничьих шайк и тайных народных союзов. Частные причины, вызывавшие эти шайки и союзы, были различны. Так в Мунстере шайки «Уайт Боев» (White Boys) появлялись в 60-х и 80-х годах XVIII века под влиянием нестерпимого гнета посредников (Midlemen); в Ульстере шайки «Дубовых ребят», «Стальных сердец» вызваны были введением натуральных повинностей и превращением пашен в луга в Доннегале. Различные названия народных союзов скрывали однако под собою одно и то же явление. Все названные шайки и союзы нападали на фермы лендлордов; портили хозяйственные орудия, увечили скот, редко убивали людей, но часто подвергали мидльменов разным мучениям и плохим шуткам. То они бросали их в ямы, наполненные терном, то раздевали донага, вымазывали их смолой и вываливали в перьях и т. п. Так или иначе, однако, несмотря на различие названий и способов действий, все эти движения были аграрными и были протестом обездоленного ирландца против обездолившего его английского господства. Вследствие этого лица, принадлежавшие к названным союзам, пользовались сочувствием народной массы и в нём почерпали свою силу. Для преследования их силою закона нельзя было найти, как вы уже знаете, ни свидетелей готовых показать против них, ни присяжных, чтобы произнести приговор. Аграрные движения сопровождают собою историю Ирландии и в XIX стол., то усиливаясь, то ослабевая, сообразно колебаниям в экономическом положении страны. Английское правительство долго не видит иных средств борьбы с ними, кроме исключительных законов, которыми вводятся в Ирландии порядки, как раз противоположные по своим принципам тем, которые признаются английским обществом для себя за условие *sine qua non* (без которого нельзя обойтись) гражданской жизни. Таких исключительных законов для Ирландии было издано тридцать три в период времени с 1800 по 1860 г. И сейчас, как мы знаем, английское правительство занято разработкой подобного же закона. Образчиком этих законов могут служить следующие §§, взятые нами из закона 1846 года:

§ 15. Кто окажется вне своего жилища чрез час после заката солнца, может быть арестован и содержим под арестом впредь до суда.

§ 16. Кто будет арестован в подобном случае, может быть наказан пятнадцатью годами ссылки, если он не докажет, что он вышел по делу, дозволенному законом. §§ 7, 9, 10 и 13 гласят, что в случае убийства уплачивается денежное вознаграждение родственникам убитого; оно составляется посредством сбора с арендаторов данной местности. Полицейские секвеструют движимость арендаторов, отказывающихся платить сбор. Как видите, этот закон напоминает нам дикую виру Русской Правды, но только в гораздо более жестоком виде. Не забудьте притом, что время Русской Правды очень далеко от нас, между тем как только что приведенные постановления издаются в конце первой половины XIX в. парламентом, который стоит за то, чтобы никто из англичан не был наказан без суда, не был лишен своих гражданских и политических прав. С другой стороны, в противность элементарным юридическим понятиям, этот закон вводит презумпцию виновности подсудимого и требует от него доказательств его невинности. Самая многочисленность исключительных законов доказывает их бессилие; иначе оно и быть не могло. Они не устраняли причины зла, а старались только прекратить проявление его действий. Сами они в свою очередь служили иногда поводом к злоупотреблениям вопиющего свойства. Так, судья Флетчер заявлял, что в 1814 году некоторые лендлорды пользовались законом о ссылке для того, чтобы отделаться от своих арендаторов, спровадив их в ссылку в колонии. Такие случаи бывали и позднее.

Если мы поставим себе вопрос о том, отчего английское правительство не производит никаких улучшений в поземельных отношениях Ирландии, то ответом на него может служить указание на аристократический характер парламента. Большинство членов его были представителями поземельной аристократии; одни из них не понимали, а другие не хотели понять, — потому что это было невыгодно для них, — почему фермерские порядки Англии, будучи пересажены на ирландскую почву, вызывают неудовольствие и приводят к плачевным результатам.

Наконец дело дошло до острого кризиса. Голод 1846/47 года привел к этому кризису. 250 000 человек погибло в эту роковую зиму. Если мы вспомним, что в минувшую войну мы потеряли 200 000 человек, то громадность в смертности Ирландии предстанет перед нами во всём своем ужасающем размере. Рядом с упадком благосостояния страны, изгнания фермеров принимают гигантские размеры. С 1841 по 1851 год только одних домов арендаторских разрушено 269 253. Кто мог, искал спасения в бегстве и переселялся в Америку, покидал родину, где жить стало невмозможу, унося с собою ненависть против притеснителей и жажду мщения. В 1841 году население Ирландии равнялось 8 200 000 человек, к 1851 г. оно уменьшилось до 6½ миллионов, а десять лет позже оно сократилось еще на полмиллиона, и в 1860 г. составляло только 6 миллионов человек. Подобного факта (без участия войны) мы не найдем в других странах, сколько бы мы ни искали; такое уменьшение населения поистине ужасно, если только подумать о той бездне человеческих страданий, которая скрывается за ним.

В прежнее время бедствия ирландцев считали классическим примером для объяснения действия закона Мальтуса. Считалось достаточным сопоставить многочисленность ирландских семейств с бедствиями народа, чтобы прийти к выводу, что население переросло производительные силы страны и что поэтому излишек его должен погибнуть и погибает, так сказать, на законном основании. Не говоря о том, что самый закон Мальтуса подвергся значительным поправкам и ограничениям, неправильность указанного вывода не подлежит сомнению. Если бы, в самом деле, в Ирландии было естественно перенаселение, то, конечно, с таким непомерным уменьшением числа жителей, какое указано выше, должно было бы поправиться благосостояние оставшейся

части населения. На самом же деле мы видим совершенно противное. Возникающие отсюда недоразумения разрешаются тем, что бедствие ирландского народа происходили вовсе не от естественного перенаселения, а от искусственного, производимого сокращением площади пахотной земли и превращением её в луга и пастбища. Парламентская комиссия, производившая исследования поземельных отношений и окончившая свои занятия в 1881 г., представляет в своих протоколах богатый материал для подкрепления этого положения. По собранным данным оказывается, что из 15 миллионов акров удобной земли 11 миллионов обращены в луга и пастбища, предназначенные для откармливания скота, потребляемого английскими рынками. Вообще замечено, что в Ирландии увеличение рогатого скота и баранов идет соразмерно с уменьшением народонаселения; а вместе с этим проявляются со стороны англичан особенно нежные чувства к скотам. Так напр. за увечье барана налагался штраф в 35 шиллингов. Перро приводит следующий факт, относящийся к 1858 году: однажды во время сильной метели пропало 40 баранов. Полисмены выгнали фермеров ночью, в метель, разыскивать их. Баранов-то нашли, но одного фермера не досчитались: он был найден после замерзшим в сугробах снега. Статистические данные доказывают, что в то время как население Ирландии уменьшилось с 1850-го по 1880-ый год на 40%, количество скота крупного возросло на 34%, количество овец увеличилось на 100%, количество пахотной земли сократилось на 28%, а площадь лугов увеличилась на 40%⁴. Отсюда следует, что перенаселение Ирландии есть миф, измышленный, сознательно или бессознательно — это всё равно, — для объяснения ужасающих явлений, виновником которых является созданное социальное устройство. Однажды, когда призвали присяжных констатировать смерть одного умершего с голоду и определить причину смерти, они в своем приговоре заявили, что признают английское правительство и королеву Викторию виновниками смерти несчастного.

Положение ирландских арендаторов во второй половине XIX стол. в главных чертах остается в том же виде, в каком оно было в XVIII в. Но только теперь мы знаем о нём больше подробностей, а потому самая картина становится более яркою и живою. Как и прежде, лендлорды не живут в Ирландии и главное значение в судьбе арендаторов играют посредники. Они отличаются обыкновенно взяточничеством до такой степени беззастенчивым и открытым, что при первом же разговоре с арендатором спрашивают его: «сколько вы мне заплатите?»

В книге Перро⁵ мы находим таблицу взяток посредников в графстве Кэри лорда Друмонда. Из неё оказывается например, что арендаторы, платящие 9 и 14 фун. аренды, платят 7 фун. стерлингов в виде взятки посреднику. Часто посредник выгоняет арендатора только потому, что кто-нибудь предлагает ему взятку за то, чтобы он уступил ему данный участок земли и выгнал бы настоящего её владельца. Вообще право изгнания практиковалось до настоящего десятилетия в очень широких размерах. Целая иерархия лиц занята этим делом. Прежде всего действует *process-server*, род пристава, разносящего арендаторам повестки об их изгнании. За ним следует *драйвер (driver)*, обязанность которого заключается в фактическом извлечении арендатора из его жилища. В помощь ему поступают солдаты так называемой *ломовой бригады (crowbar-brigade)*, которые разрушают дома, сравнивают их с землею для того, чтобы на месте жительства несчастного арендатора можно было развести пастбище для быков и баранов. Численность ломовой бригады, назначение которой не созидать, а разрушать, довольно значительна. В 50-х годах она составляла 12000 человек, расположенных в казармах

---

⁴ Зибер. Аграрный вопрос в Ирландии (Юридический Вестник 1882 г. № 9).

⁵ Le bill des tenanciers. Paris 1859.

лендлордов. Число солдат ломовой бригады, расположенных у данного лендлорда, находится в прямой пропорции не с обширностью его владений, а с степенью жестокости владельца, а также и с существованием помещений для солдат. Но помещение легко найти: стоит только выгнать арендаторов, имеющих сносные дома, и вот казармы готовы. Но как же так, спросите вы, кем выстроены эти дома? Выстроены они арендаторами. Я вижу недоумение, вызываемое этим ответом, но я сейчас разъясню его; а для этого мне нужно перейти к рассказу о том, что делалось со всеми улучшениями, произведенными на земле лендлорда арендаторами.

Покоряя Ирландию и конфискуя её земли, англичане ввели туда феодальное понятие о поземельной собственности. По этому понятию всё устроенное на земле кем бы то ни было принадлежит земле, а чрез нее — её собственнику. (*Quicquid solo plantatur, solo acquiritur*). Вследствие этого все улучшения, сделанные фермером, а также и постройки, возведенные им на земле лендлорда, принадлежат последнему, и при оставлении фермы арендатор не имеет права заявлять на них какие бы то ни было притязания. Это правило прилагается фактически не только к незначительным постройкам или улучшениям, но и к таким, которые потребовали затраты значительного капитала. В 1859 г. в Мильфорде, в графстве Доннегал, арендатор Джон Левэнс построил дом, стоимостью в 1 000 фун. ст., не выговорив себе права получить за это какое-либо вознаграждение со стороны лендлорда. Когда землевладелец лорд Лейтрим изгнал его, то, несмотря на все просьбы Левэнса, он ему не заплатил ни одного пени в возмещение сделанных расходов. Другой случай: на западном берегу Ирландии арендаторы возделали часть морского берега, построили целое поселение Кильки, ставшее, благодаря их труду и затратам, любимым местом морских купаний. Когда съёмщик земель, заключивший с ними контракт, умер, то главный землевладелец маркиз Коннингем тотчас же установил арендную плату, равную полной стоимости всех улучшений, (повышение вышло примерно процентов на 700) и, не довольствуясь этим, уничтожил значительную часть этого городка, уменьшил народонаселение его с 1879 до 950 душ, а остальных пустил странствовать по Ирландии или выселяться в Америку. По этому поводу Джон Стюарт Милль замечает: «чего нельзя ожидать от людей, которые имели энергию и предприимчивость создать цветущий город под опасением быть ограбленными? Но зато могут ли ожидать сочувствия и уважения люди, пользующиеся дурным законом для совершения того, что нравственностью признается за грабеж»? То же самое происходит и со всеми улучшениями, сделанными арендаторами в почве. Они конфискуются путем немедленного повышения арендной платы. Так напр. болотные округа Типперари были превращены в пашни арендаторами и до этого не имели для их владельцев ровно никакого интереса. Но как только получилась с них первая жатва, как назначена была аренда в 2½ шиллинга с акра. — Священник Браун засвидетельствовал пред парламентскою комиссией 1881 г., что он не знает в Коннауте и тысячи акров земли, которые были бы улучшены самими лендлордами. Напротив того, он знает очень много фермеров улучшивших занимаемые ими участки и поплатившихся возвышением арендной платы за слишком доверчивое отношение к чувству справедливости землевладельцев. Показания на этот счет, данные в упомянутой парламентской комиссии, настолько многочисленны и единодушны, что не допускают никакого сомнения в своей справедливости. Недавно еще член парламента Фрай, человек весьма умеренный, посетил знаменитый отныне округ Глэнбей. По словам его, он должен сознаться, что жители этой местности ближе к голоданию, нежели к возможности уплатить ренту, что земля там не давала бы вовсе ренты, если бы землевладельцы не прилагали к ней значительного труда. — Член парламента Эллис заявил, что он видел выгнанных фермеров, которые в два поколения сделали на своей земле улучшения, ценность которых не менее 700 фун. стерл. При таких порядках не удивительно, что английское

господство в Ирландии вызывает так много ненависти и ожесточения!

Насколько многочисленны изгнания фермеров, настолько разнообразны мотивы этих изгнаний. Иногда они были религиозными. Так например, в 1858 году был следующий случай: две дочери лорда Плонкета, епископа Туама, Луиза и Екатерина начали, из религиозной ревности, пропагандировать протестантизм между арендаторами земель их отца и так им надоели своими приставаниями, что один из них пригрозил им. После того барышни Плонкет оставили их в покое, но зато явился process-server, принесший 60 семействам повестки об их изгнании с земель епископа. Это было в декабре месяце, в суровую зиму. Ни просьбы, ни мольбы арендаторов не тронули жестокосердого представителя высокой церкви. Если его намерение не было приведено в исполнение, то только потому, что его остановил резкий и единодушный протест английского общественного мнения, которое в данном случае было возмущено его жестокостью.

Нередко были случаи изгнаний фермеров вследствие попытки их подавать свой голос во время выборов по собственному убеждению, независимо от воли лендлорда. Так например, в октябре 1859 года депутат парламента Вайн (Wynn) приказал выгнать множество семейств арендаторов, вотивовавших несогласно с его желанием. При исполнении этого повеления происходили возмущающие душу сцены. Один из арендаторов Флин явился к агенту Вайна с просьбой повременить его изгнанием, так как его жена опасно больна. На это агент ему отвечал: нам нет никакого дела до вашей жены, нам нужен ваш дом. Тогда несчастный фермер бросается к доктору, чтобы он засвидетельствовал, что эту больную женщину нельзя вынести из комнаты, не подвергая её жизни опасности. Но и свидетельство доктора не останавливает агента. Больную женщину выносят с кроватю на улицу зимою, и чрез несколько часов она скончалась. Депутат Брадло рассказывал недавно в палате депутатов подобный же случай из своих воспоминаний. «В 1851 году, говорит он, в очень холодный зимний день мне пришлось, как рядовому, участвовать в команде, назначенной выгнать жителей из местности за несколько миль от Бэллинколича. Дома были сравнены с землею, а не сожжены. Немного усилий понадобилось, чтобы сравнять их с землею; никакой джентльмен Ирландии, имеющий собак, не поместил бы их в таких лачугах. Одна женщина бросилась на колени пред капитаном, умоляя его остановить выселение, так как в одном из домов муж её лежал больной. Капитан не имел права дать отсрочку, не смел противиться инструкциям, а судебный агент торопился в Дублин. Больного вынесли из дому, и он вскоре после этого умер. Две ночи после того я стоял на часах у ворот казармы и при смене я и некоторые мои товарищи драгуны слышали невдалеке стоны. Мы пошли туда и нашли эту самую женщину, лежащую с мертвым ребенком, прижатым к груди».

Превращение в силу тех или других хозяйственных соображений пашен в луга и пастбища служило прежде и служит теперь чаще всего причиною изгнания фермеров. Выше было указано, как велико было в последнее время сокращение площади обрабатываемой земли и как велико было развитие скотоводства.

Наконец, несоблюдение правил, установленных лендлордом, является четвертым мотивом изгнания арендаторов. Правила, существующие во владении лендлорда, не только произвольны, но нередко напоминают собою порядки крепостного права. Так, например, во владении лорда Ландсдоуна существовало правило, запрещавшее арендаторам жениться. Во владениях лорда Доннагморра не далее как 5 лет тому назад еще существовало правило, по которому дочери фермеров могли выходить замуж только за сыновей фермеров, живших в его же владениях. Недавно там был случай изгнания фермера со всей его семьей за то только, что дочь его вышла замуж за арендатора, живущего в одной миле расстояния от владений Доннагморра.

Если право изгнания составляет величайшее зло в поземельных отношениях Ирландии, то не меньшим тормозом благосостояния этой страны является произвольное возвышение ренты. Возвышения эти являются результатом или сделанных самим же фермером улучшений, или же вследствие усиливающейся конкуренции арендаторов, изгнанных из своих участков и столпившихся на небольшом пространстве земли. В некоторых местностях остающаяся под пашнею площадь составляет, как мы видели выше, лишь третью часть того, что обрабатывалось лет тридцать тому назад. Не имея возможности заняться никаким другим делом, ирландец стремится раздобыть во что бы то ни стало кусок земли и готов обещать за нее какую угодно плату. Он знает хорошо, что остаться без земли — это значит остаться без куска хлеба. Насколько высоки ирландские ренты, свидетельствует факт, сообщенный членом парламента Элиссом, посетившим осенью прошлого года некоторые округа Ирландии. По его словам, правительственная комиссия во многих случаях уменьшила ренту с 80 фун. ст. на 37 ф., с 42 — на 19; в одном случае рента была низведена с 232 фун. на 73 ф. Спрашивается, какой доход могли получать фермеры, вынужденные платить землевладельцам аренду вдвое и втрое большую против той, какую бы они должны были платить даже по казенному расчёту. Член парламента шотландец Лайэль заметил, что шотландские фермеры расхохотались бы в глаза лендлорду, который потребовал бы с них такую ренту, какую назначают в Ирландии. Что касается возвышения ренты в силу сделанных улучшений, то о нём мы имеем свидетельство инспектора церковных имений О'Бриена Мурроу, который приводит такого рода поучительный пример: фермер платил небольшую ренту за пустошь, но когда он ее обработал, то его заставили десять лет платить вдвое, а потом и совсем прогнали, заплатив ему только 60 фун. за сделанные улучшения. На вопрос членов парламентской комиссии, не представляется ли этот случай исключительным, О'Бриен Мурроу отвечал, что возвышение ренты за сделанные улучшения распространено весьма сильно. «Мы слишком утомили бы внимание читателя, говорит профессор Зибер в своей статье «Аграрный вопрос в Ирландии», если бы стали приводить полный список всех показаний относительно повышения ренты лендлордом соответственно улучшениям фермера. Очевидно, что повышение это представляет просто на просто господствующую систему в Ирландии, и потому неудивительно, что оно служит предметом глубокого недовольства со стороны народа, недовольства, выражающегося в аграрных преступлениях, бойкотировании и тому подобных насильственных действиях».

Мы описали, насколько это было возможно в пределах одной лекции, условия, при которых приходилось действовать ирландскому земледельцу. Удивительно ли будет, что, знакомясь с образом его жизни, мы встретимся с таким минимальным удовлетворением насущных человеческих потребностей, с каким едва ли можно встретиться даже в наиболее бедных странах. Жилище земледельца, за немногими исключениями, представляет собою избушку, стены которой сделаны из земли и нередко превращаются в грязь в особенно сырую погоду; пол земляной; окна крошечные; двери также; мебель почти отсутствует, а иногда её и признаков нет. Вся семья валяется на полу, еле-еле прикрытом тонким слоем соломы. В графстве Кэри существуют целые поселения на болоте. Каждый дом, по словам профессора Балдуина, превосходно изучившего страну при помощи непрерывных разъездов и детальнейших исследований, состоит из торфяных стен около двух футов толщины; высота стен не превышает трех футов, так что, войдя в хижину, профессор должен был нагнуться; высота отверстия была ниже его роста не менее, чем на два фута; пол хижины колебался под ногами; они жили на живом болоте, в прошлую ночь была буря и целая крыша одной из хижин провалилась внутрь. В хижине не было ни стола, ни стула, ни кухонной посуды, кроме старого горшка; не соблюдена ни одна пристойность жизни. Все хижины были одного типа. «Невозможно для цивилизации

стоять ниже этого», заявил профессор пред комиссией. Платье и пища ирландца находятся в соответствии с его жилищем. Платье — жалкие лохмотья, пища — картофель, печеный в золе, немного кукурузной похлебки — вот и весь его незатейливый стол. Мясо он употребляет не более двух раз в год, или же вовсе не видит его. Малейшее колебание в урожае лишает арендатора и этой убогой пищи. Но и каждый год с конца зимы и до того времени, когда поспеет картофель, семья ирландского арендатора живет впроголодь. В Ирландии даже различаются два рода голодания: — голодание медленное и голодание скорое. Первое происходит при нормальных условиях, а второе — при неурожае.

Но есть в Ирландии класс людей, которые вынуждены довольствоваться еще меньшим, чем довольствуются арендаторы. Это — земледельческие рабочие. Они не составляют в Ирландии такого многочисленного класса, как в Англии, но положение их поистине ужасно. В вознаграждение за свой труд они получают около 3-х шиллингов (рубля полтора) в неделю на хозяйских харчах. Пища, которую они получают от хозяина, состоит из кукурузной похлебки, даваемой им два раза в день. Живут они обыкновенно в каких-нибудь заброшенных строениях, платя за них три фунта в год наемной платы. На вопрос парламентской комиссии: строят ли рабочие себе коттеджи и где они помещаются, свидетель отвечал, что он не знает, чтобы рабочие строили себе коттеджи, и что они помещаются иногда по несколько семейств в старом коровнике, который стал негодным для коров.

Как ни тяжело бывает положение человека, оно выносится легче, когда с ним не соединено сознание нарушенного права. Но если человек терпит бедствие и притеснение, сознавая при этом, что право не только не находится на стороне притеснителей, но, напротив, находится на стороне его, притесняемого, то запас терпения истощается гораздо скорее и протест проявляется с большею силою. Само собою разумеется, что мы говорим здесь не о писаном праве, а о том, которое вытекает из совокупности воззрений и понятий данного народа. Ирландцы со времени покорения их англичанами находились именно в таком положении. Они имели свои понятия о поземельной собственности, о праве наследства, о праве пользования землей и т. д. Все эти воззрения прямо противоположны тем отношениям, которые введены были в Ирландию со времени английского завоевания. Между тем до настоящего времени англичанам не удалось вытравить в ирландцах памяти о законах брегенов и вообще древние правовые традиции. Протоколы парламентской комиссии 1881 года свидетельствуют лучше всего о том, что ирландцы имеют и до сих пор воззрения на землю и на отношения к ней совершенно иные, чем те, которые признаются английскими лендлордами. Так, один из фермеров говорит: «я смотрю на землю, как на собственность государства или общества в целом, совмещающую многие интересы и различные свойства — высшие и низшие, соответственно нынешней системе земледелия». — Священник Браун говорит в своих показаниях, что ирландцы и до сих пор помнят законы брегенов и что он сам видел арендаторов, которые, умирая, делали завещание, в котором разделяли свои участки между своими детьми так, как будто бы они составляли их собственность и как будто английского законодательства вовсе не существовало. Не входя в разбор частных случаев, скажем только, что ирландцы всегда признавали и признают за арендатором право владеть участком, пока он аккуратно платит справедливую ренту, а никак не могут взять в толк право лендлорда прогнать его по произволу. Равным, образом, все они признают право арендатора на сделанные им улучшения и постройки, а потому конфискацию их лендлордами считают вопиющим нарушением своего права. Наконец, все они считают необходимым, чтобы рента не была повышаема по произволу и чрезмерно. При такой противоположности между воззрениями ирландского народа и практикой английских лендлордов, ненависть первого к последним становится совершенно естественной и понятной. Прибавим сюда еще национальную вражду,

которая составляет следствие долговременной борьбы двух народностей.

Принимая в расчет всё сказанное раньше об отношениях Ирландии и Англии, можно будет прийти к заключению, что аграрные движения ирландцев всегда находились в связи с национальной враждой и политическими тенденциями, и что, с другой стороны, политические протесты ирландцев находили для себя всегда удобную почву в невозможных поземельных отношениях. Движения 30-х годов нынешнего столетия, направленные к тому, чтобы восстановить самостоятельный ирландский парламент и так сказать, отозвать акт унии (repeal), равно как и теперешнее движение Home-rule, стремящееся к автономии Ирландии, находились и находятся в тесной связи с аграрными движениями. Равным образом революционная деятельность партии «Молодой Ирландии», сменившей собою партию repeal'я, а также деятельность фениев, идущая параллельно с стремлениями партии самоуправления (Home rule) находили всегда благодарную почву для своей пропаганды в бедственном положении и в враждебном к англичанам настроении ирландского арендатора.

Сила деятельности всех упомянутых партий указала английскому правительству ту опасность, которая может заключаться для Англии в сильном недовольстве ирландцев. Бедствия 40-х и 50-х годов достигли таких огромных размеров, что не видеть или отрицать их сделалось решительно невозможным. С другой стороны, состав парламента после реформы 30-х годов становился всё более и более демократичным, а после февральской революции демократическое движение в Англии с каждым годом всё более выигрывало почву. Все эти условия, вместе взятые, сделали то, что ирландский вопрос стал теперь на очередь. В 1860 году парламентом принят билль Кордуэля. Этот билль стремится упорядочить ирландские земельные отношения на началах свободного договора и поставить ирландского фермера в такое положение, например, в каком стоит к землевладельцу фермер французский или английский. С этою целью закон делает обязательным письменный договор между лендлордом и арендатором, а где такового (договора) нет, он признает существование молчаливого соглашения между обеими сторонами. Эта попытка потерпела полнейшую неудачу, так как предполагать свободу договора там, где одной из сторон некуда деваться, совершенно не рационально, а потому неперемное требование заключения письменного договора нисколько не помогало арендатору; оно не гарантировало его ни от высокой ренты, ни от изгнания. Единственным шагом вперед, делаемым законом Кордуэля, было признание за арендатором права требовать вознаграждение за те улучшения, которые сделаны им с согласия лендлорда. Неудивительно поэтому, что закон 1860 года не удовлетворил ирландцев, и аграрная агитация продолжала расти. Наконец в 1870 году Гладстон ставит аграрный вопрос на настоящую дорогу. Не возлагая никаких надежд на целительные свойства свободного договора, Гладстон решается дать место государственной власти в урегулировании взаимных отношений лендлорда и арендатора и впервые нарушает абсолютное право поземельной собственности, подвергая некоторым ограничениям власть лендлорда распоряжаться землей.

Приступая к аграрному законодательству, Гладстон обратил внимание на существующие обычаи и подметил, что так называемые ульстерские обычаи составляют идеал арендаторов других местностей Ирландии. Ранее мы говорили уже, что колонизация Ульстера была несколько иною, чем колонизация Лейнстера, Мунстера и Коннаута. Вследствие этих особенностей там поземельные отношения сложились гораздо более благоприятно для арендаторов. Существенные черты этих отношений заключаются в следующем: лендлорд может изгнать арендатора только при неаккуратном исполнении последним своих обязанностей. Он не имеет безусловного права возвышать ренту. Фермер, оставляя аренду, имеет право продать свои арендаторские права другому

арендатору. Сумма, уплачиваемая новым арендатором уходящему, считается как бы вознаграждением за беспокойство, или чем-то вроде отступного. Лендлорд не имеет права отказать новому арендатору в допущении его к аренде, если только он не заведомо несостоятельный человек. В случае же отказа лендлорда допустить нового фермера, он сам выплачивает уходящему фермеру вознаграждение за беспокойство и убытки. Гладстон положил в основание своего закона 1870 года именно ульстерский обычай и хотел ввести его целиком там, где его не было. Ему не удалось, однако, провести свою мысль вполне, так как для английского парламента предлагаемая мера была чересчур большим новшеством.

Закон 1870 года сохраняет за лендлордом право изгонять фермера, но с условием вознаграждения его за ущерб, произведенный несправедливым отнятием аренды. — Фермеру предоставляется право требовать вознаграждение за сделанные улучшения, хотя бы таковые произведены были без согласия лендлорда. В этих отношениях закон 1870 г. представляет несомненный прогресс, сравнительно с законом Кордуэля. Слабая его сторона заключается в том, что в нём нет постановлений, ограничивающих право возвышения ренты и напротив значительно сокращено число случаев, в которых фермер может получить вознаграждение за сделанные улучшения. Между прочим, при арендном контракте в 31 год лендлорд совершенно избавляется от обязанности вознаграждать фермера за сделанные улучшения. Мы видим таким образом, что закон 1870 года не вполне защищает арендатора от произвола лендлорда. Нам скажут: «ведь закон 1870 года напоминает хоть и слабо отношения в Ульстере, которые составляли предмет вождедений для прочих ирландцев». Да, это так, но в Ульстере этот закон мог быть хорош, так как там между арендатором и лендлордом нет ни национальной, ни религиозной вражды и существуют обычаи, которые восполняют пробелы и недомолвки закона и служат ему поддержкой. Между тем в остальных частях Ирландии указанные пробелы закона 1870 года не только не восполнялись обычаями, но служили оружием в руках лендлордов против арендаторов. Вот почему закон 1870 г. не только не успокоил аграрного движения, но напротив усилил его, подав населению надежду на возможность дальнейшего улучшения. Органом этих стремлений является аграрная лига, основателем которой был Мишель Дэвит. Он был сыном бедных фермеров. Когда он был еще в колыбели, его отец был изгнан из своей фермы (зимою 1846-47 года). Детские годы мальчика прошли под впечатлением лишений и нужды, которые терпела его семья, прогнанная из своего гнезда. Образование свое он начал в воскресных школах и продолжал его самостоятельным чтением. Только большие способности и железная энергия дали ему возможность приобрести столько сведений и развития, что он выдвинулся вперед между своими сотоварищами. Лишившись руки во время работы на фабрике, он сделался агентом страховой компании, а затем почтовым чиновником. Но впечатления детства сохранились в его душе, и он с горячим сочувствием относился к бедствиям своих земляков и старался изыскать средства для улучшения их положения. Он принимал участие во всех тайных обществах, был адептом фениев тоже и даже был приговорен к 15-летним каторжным работам. Отбыв часть назначенного срока, он был уволен, так сказать, в бессрочный отпуск на свободу. Он составил план аграрной лиги наподобие той лиги, которую когда то образовал Кобден для борьбы против хлебных законов. В Ириштоуне, в графстве Майо, состоялось первое собрание лиц, которых Дэвит пригласил, как учредителей общества. Аграрная лига повела свою агитацию открыто, пользуясь английским законом о свободе ассоциаций, и написала на своем знамени так называемую программу трех F: «Постоянство аренды» (Fixity of tenure) «Справедливая рента» (Fair rents) и «Свободная продажа» (Free sale). Эта программа трех F требует, следовательно, закрепления за арендатором его фермы, обеспечения его от произвольной ренты и гарантирования за

ним права продавать свои фермерские права. Так как в законе 1870 года фермерское право в принципе признано, то программа трех F является, следовательно, требованием дальнейшего развития в приложении сказанного принципа. Очень скоро после своего образования аграрная лига разрослась весьма широко и сделалась силою, с которой приходилось считаться. Партия Home-rule, добиваясь политической автономии Ирландии, поняла необходимость связать свое дело с задачами аграрной лиги. Мишель Дэвит с своей стороны считал необходимым соединиться с вожаками Home-rule и предложил президентство в аграрной лиге Парнеллю. После некоторого колебания Парнелль согласился, и с этого момента (1879 г.) значение этого политического деятеля сделалось громадным. Его, как и О'Коннелля, можно назвать королем Ирландии без короны. Но между этими двумя выдающимися деятелями Ирландии XIX века есть большая разница. О'Коннелль — католик, Парнелль — протестант; О'Коннелль — весь огонь, воспламеняющий массы своим горячим чувством, Парнелль хладнокровен, сдержан; все члены палаты общин знают его неподвижное лицо и стальной взор его никогда не смеющихся глаз. Он действует на разум и всегда замечательно ловко пользуется обстоятельствами для достижения своей цели. — Взнявшись за аграрную агитацию, он и его товарищи устраивают каждый праздник митинги в главных городах Ирландии, на которых объясняют и толкуют со всех сторон программу трех F.

Развитие деятельности аграрной лиги показало Гладстону, что оставлять ирландские отношения без реформ столь же не благоразумно, сколько и не гуманно. Поэтому, восторжествовав на выборах 1880 года над консерваторами, он тотчас же взялся за разрешение аграрного вопроса в Ирландии. Впредь до окончательного регулирования дела, он предложил временный закон о приостановке изгнаний фермеров следующего содержания: Изгнание фермера приостанавливается, если во 1), неплатеж ренты происходит по несостоятельности его; во 2), если арендатор готов войти в соглашение на разумных и справедливых условиях, и в 3), если землевладелец, отвергая его предложения, сам не делает предложений удобоприемлемых. Палата лордов отвергла этот билль. На это решение лордов аграрная лига ответила по-своему. Она рекомендует не платить ренты вовсе или платить ее по казенной оценке 1826 г. Восставая затем против аграрных преступлений, допущенных членами лиги, Парнелль порекомендовал средство борьбы, которое получило широкое распространение, а именно: бойкотирование — своего рода отлучение. Первый раз это средство было употреблено против агента лорда Эрнэ — капитана Бойкота (откуда и название), который очень притеснял фермеров. Окрестные жители, воспользовавшись советом Парнелля, порешили прекратить всякие сношения с Бойкотом. Узнав об этом решении, он, как военный человек, приготовился выдержать осаду. Он запасся съестными припасами, вздумал было нанять себе и защитников, но никто не согласился оказать ему ни малейшей услуги ни за какие деньги. Когда стали выходить у него съестные припасы, то купить их в окрестностях оказалось решительно невозможным даже на вес золота. Продержавшись несколько недель, капитан Бойкот вынужден был капитулировать и под прикрытием полиции оставил свой дом и удалился совсем из Ирландии.

Средство это столь успешное, как показал первый опыт, продолжало практиковаться и далее. Но во главе правительства стоял теперь человек недюжинный, которого волнения Ирландии не сбили с толку и не остановили его желания улучшить положение арендаторов. С этой целью Гладстон вносит новый поземельный билль, который и был утвержден парламентом в 1881 году. Существенная черта этого последнего поземельного закона заключается в том, что в отношениях между лендлордами и арендаторами устанавливается такой же порядок, какой существует в отношениях акционеров к акционерному предприятию. Лендлорд перестает быть абсолютным

собственником земли, ибо его право распоряжаться ею подвергается существенным ограничениям. С другой стороны, арендаторы перестают играть по отношению к земле роль квартирантов, которых можно прогнать в каждую минуту, так как у них нет никаких контрактов. Они становятся совладельцами лендлорда по отношению к земле, ибо закон 1881 года признает за ними известное вещное право на землю. Из этого принципа вытекают законодательные определения, гарантирующие арендаторов от изгнания и возвышения арендной платы. По акту парламента 1881 г. лендлорд может отнять землю арендатора только на основании, указанном в законе. Далее, за фермером формально признается право продажи своих фермерских прав третьему лицу, не спрашивая на то согласия лендлорда. Если последний не хотел бы допускать нового фермера, то у него остается для исполнения своего желания одно только средство — заплатить фермеру ту сумму, за которую тот продает свое право. Принимая, впрочем, во внимание и интересы лендлорда, закон гарантирует за ним право преимущественной покупки по цене, предлагаемой другими. Гарантия фермера от произвольного возвышения ренты заключается в том, что фермер может обратиться в поземельную комиссию с просьбою, что бы она определила размер ренты, которую он должен платить лендлорду. Определенный комиссией размер ренты остается неизменным в течение 15 лет. Все эти постановления закона относятся к фермерам, которые взяли так называемое парламентское фермерское право. Взять же такое право может каждый арендатор, бывший таковым до издания акта 1881 года. Для того что бы считаться арендатором с парламентскими правами, нужно сделать заявление в поземельную комиссию о желании пользоваться правами, предоставленными арендаторам парламентским поземельным актом 1881 года, и комиссия выдает просимое свидетельство без всяких затруднений, если только проситель удовлетворяет вышеуказанному условию. Упомянутая нами поземельная комиссия состоит из трех несменяемых лиц, одно из которых непременно должно быть юристом. В первый раз они назначаются парламентом, а затем должны быть назначаемы королевою. На обязанности этой поземельной комиссии лежит определение размера ренты, которую должен платить фермер и, кроме того, она должна оказывать содействие фермерам в покупке земли в собственность, или же в приобретении её в вечное владение, с обязательством платежа постоянной ренты. В первом случае комиссия выдает фермерам долгосрочную ссуду в размере 75% покупной суммы, а во втором случае — 50% суммы, которую требует лендлорд за уступку земли. При этом, однако, комиссия требует, что бы уславливаемая постоянная арендная плата была ниже 70% нормальной ренты. Наконец, поземельная комиссия может покупать земли лендлордов за счет государства для продажи их по частям фермерам. Вот главные черты поземельного закона Гладстона. Нельзя не заметить, что он стремится удовлетворить требования аграрной лиги, выраженные в программе трех F. Законодатель старается установить постоянство аренды, ввести справедливую ренту и предоставляет, наконец, фермеру свободную продажу его прав. Но на этом остановиться было нельзя. Прежние поземельные отношения создали такую массу должников и недоимщиков, что ликвидировать их долги и недоимки представлялось необходимостью, если хотели дать арендаторам возможность воспользоваться льготами закона 1881 года. В самом деле, как мог арендатор воспользоваться защитой последнего поземельного акта, если лендлорд мог его прогнать за старые недоимки, накопившиеся благодаря чрезмерно высокой ренте, которую он платил в течение длинного ряда годов, да сверх того еще конфисковать в придачу всё его имущество в обеспечение их уплаты. Прибавим к этому, что в течение всего 1880 и 1881 годов, рента, как мы знаем, вследствие агитации аграрной лиги, не уплачивалась вовсе или уплачивалась очень плохо. Вот вследствие этих причин Гладстон проводит в 1882 году новый закон, — закон о недоимках, который имеет временное, но

очень важное практическое значение. На основании этого закона государство предоставляет фермеру право заплатить лендлорду недоимку за два года и тем покончить с ним всякие счета, хотя бы за ним и числилась недоимка за несколько лет. При этом государство уплачивает лендлорду еще недоимку за третий год. Мера эта во многом напоминает собою законы Солона о долгах; также законы Кайя Лициния о погашении накопившихся на плебейх долгов патрициям. Льготой закона о недоимках воспользовались в течение года 130 000 человек; из них 58 000 чел. приходится на Коннаут, 44 000 — на Ульстер, 20 000 — на Мунстер и 12 000 на Лейнстер. Государство заплатило за них лендлордам 768 157 фун. ст., а так как эта сумма составляет только половину внесенной арендаторами недоимки, то, значит, последние внесли от себя 1 536 314 фун., лендлорды же получили 2 304 471 фунтов стерлингов.

Значение этого закона будет нам понятно, если мы вспомним показания членов парламента, посетивших летом 1886 года Ирландию и рассказывавших в палате о впечатлениях, вынесенных ими из этого путешествия. Они говорили, что рента в Ирландии в два или три раза превышает размер, который может быть признан разумным и более или менее справедливым. Нищета ирландского населения, по их словам и по словам свидетелей, говоривших в парламентской комиссии 1881 года, дошла до такой степени, дальше которой невозможно, кажется, ничего себе представить. Без государственной помощи это население не могло бы воспользоваться законами, созданными для улучшения его положения. Нельзя также не признать справедливым, чтобы и лендлорды с своей стороны сделали кой-какие уступки тому населению, с которого они и отцы их так долго брали вдвое и втрое больше того, что может считаться справедливым по самому щедрому расчёту. Вот в этом-то стремлении ликвидировать наследие прошлого и заключается значение закона 1882 г. Мы должны сказать, что он не вполне достиг своей цели, так как далеко не все воспользовались предоставленными ими льготами. Отчего это произошло, мы не знаем, но можем догадываться, что тут играли роль столько же фактическая невозможность внести недоимку за два года, сколько и нежелание платить то, что считается несправедливым. Здесь мы должны остановиться, но и не могу прекратить беседу с вами, не подведя итогов тому, о чём было сказано во всех трех лекциях, и не попробовав на основании прошлого высказать несколько соображений о будущем.

Припоминая ход ирландской истории и главным образом борьбу Англии с Ирландией, мы должны отметить три момента. Сначала речь идет о национально-политической независимости Ирландии. Англия решает этот вопрос в свою пользу; политическая независимость Ирландии исчезает, пока, наконец, она не лишается к концу прошлого столетия и самого символа своей политической самобытности — ирландского парламента. Но еще не кончилось политическое покорение Ирландии, как к борьбе политической присоединяется религиозный вопрос. Отделившись от римской церкви, приняв потом протестантские верования, Англия рекомендует их Ирландии и навязывает их ей, невзирая на её сопротивление. Появление религиозного момента не только осложняет борьбу, оно ожесточает ее. Разгоревшиеся религиозные страсти делают то, что обе стороны почти забывают, что вопрос-то поднят из-за политических и национальных интересов и отождествляют эти последние с религиозными до такой степени, что слово «папист» стало для англичанина синонимом политического врага, а для ирландца понятие «протестант» слилось с понятием притеснителя. Под влиянием крайнего ожесточения является смелая попытка уничтожить ирландцев совсем, лишив их земли — главного источника их существования, и вот к религиозному и политическому моментам борьбы присоединяется момент экономический. Конец XVII и первая половина XVIII стол. знаменуют собою период полного порабощения Ирландии. Казалось, нет таких человеческих страданий и мучений, которые бы могли еще быть причинены ирландцу.

Лишенный собственности, лишенный гражданских прав, ограниченный в своих правах семейных, преследуемый в своих религиозных убеждениях, презираемый больше самого скверного животного, ирландец был обречен на смерть не только политическую и национальную, но можно сказать и физическую. Созерцая положение ирландцев в первую половину XVIII стол., можно было думать, что имя этого народа навсегда стерто для будущего со скрижалей истории.

Но вот народ, походивший на труп, начинает оживать и снова, сначала робко, потом громче и громче заявляет свое право на человеческое существование. А если так, то значит, в этом народе оказался такой запас жизненной силы, что продолжать предпринятую политику истребления было бы колоссальным безумием. Один из выдающихся государственных людей Англии Фокс сказал, что недовольные подданные для государства опаснее врагов. Про ирландцев мало было сказать, что они недовольные подданные; они были подданные, которые сочли бы для себя господство краснокожих более сносным, чем господство англичан; они ненавидели последних всею силою ненависти, к какой только способна человеческая натура. При таких условиях Ирландия могла стать легко для враждебной Англии державы базисом военных действий против неё, и тогда Англия лишилась бы всех выгод своего островного положения, так как только небольшой канал отделяет ее от Ирландии. Не великодушие, следовательно, а благоразумие заставило ее начать делать уступки Ирландии и отречься от политики порабощения и истребления ирландского народа. С этого момента, т. е. с американской войны, начинается обратный ход ирландской истории. Начался он с ослабления религиозного гнета. Сначала возвращены католикам гражданские и семейные права, отменены один за другим все драконовские законы, притеснявшие паписта, пока, наконец, в 1829 году им не возвратили прав политических. Теперь спрашивается, каковы были результаты этого векового преследования религиозной совести? За 73 года XVIII века обратилось в протестантизм всего-навсего 4 088 человек. С 1734 по 1824 год, несмотря на все соблазны и понуждения, которыми сопровождали пребывание мальчиков-католиков в протестантской школе, не смотря на большие премии, которые выдавались ренегатам, число таковых не превысило 1 100 человек. Католических священников ловили как волков, за них платили 10 фун. ст. наравне с волчицей, и, не смотря на это, их оказывалось в половине XVIII века до 3 000 чел. Своим бескорыстным и мужественным служением угнетенному народу они приобрели на него то громадное влияние, какое сказалось во время выборов О'Коннеля и сказывается еще и теперь. Таким образом, религиозные преследования в Ирландии не принесли с собою ничего, кроме массы страданий совершенно бесцельных, не подвинувших ни на йоту ни прогресса человечества, ни прогресса Англии. Они только лишней раз служат доказательством вреда, приносимого религиозным фанатизмом. Путем этого долгого и подобных ему других экспериментов человечество убедилось, что единство политическое вовсе не находится в тесной связи с единством религиозным.

Освободившись от религиозного гнета, Ирландия стремится к возвращению политической самобытности и к освобождению от гнета экономического. Что касается первого вопроса, то он на наших глазах начинает переходить из области стремлений в область практического осуществления принципа самоуправления. Такой смысл имеет предложенное Гладстоном образование самостоятельного ирландского парламента. Если прежде отдельный ирландский парламент был ирландским только по имени, то теперь после эмансипации католиков и демократической парламентской реформы 1867 г. ирландский парламент будет состоять из представителей всего ирландского народа. С другой стороны, если прежде законодательная независимость ирландского парламента повлекла за собою восстание с целью отделения от Англии, то это произошло именно

потому, что масса ирландского населения не видела в этом протестантском и номинально только ирландском парламенте средства в удовлетворению своих интересов. Опасения, что образование отдельного ирландского парламента теперь повлечет за собою то же, что произошло в конце XVIII столетия, есть предрассудок, не оправдываемый серьезными основаниями. Между тем создание отдельного ирландского парламента в конце концов послужит к успокоению враждебных чувств, развившихся в Ирландии по отношению к англичанам в силу вековых отношений.

Рядом с политическим вопросом поставлен и в значительной степени разрешен вопрос экономический, или точнее — поземельный. Навязывая Ирландии свое поземельное устройство, англичане поступали так, как поступил бы человек, который захотел бы приказать пчелам, чтобы они работали не сообща, а каждая отдельно в своей ячейке вела бы свое медовое хозяйство. Представления ирландцев о поземельной собственности настолько отличны от представлений англичан, что они, говоря друг с другом об этом предмете, похожи на людей, разговаривающих на разных языках, для них непонятных. Этим объясняется, помимо заинтересованности английских аристократов в сохранении бывших аграрных отношений в их неприкосновенности, та медленность, с которою англичане проводят аграрную реформу. Тем не менее, однако, ясно, что в последнем законе они усвоили ирландскую точку зрения и до некоторой степени осуществили ее. Но на этом дело не может остановиться. Национальная вражда между арендаторами и лендлордами не может прекратиться сразу. Не смотря на исчезновение условий, при которых развилась эта вражда, это чувство само стало силою, которая будет действовать до тех пор, пока не истощится, а запас её создан веками и не скоро будет израсходован. Вместе с этой враждой еще и противоположность воззрений на отношения в земле существующая между англичанами и ирландцами, мешает им действовать вместе и мешает осуществиться благим намерениям акта 1881 года. Текущие события подтверждают этот взгляд. Вот в чём заключается разумное основание желаний Гладстона выкупить землю у лендлордов и наделить ею ирландских арендаторов на началах выкупа. Эта мера представляется англичанам крайне рискованною. Они боятся, что им самим придется заплатить за эту землю; но это опасение совершенно напрасно. Если ирландские арендаторы столько десятилетий выплачивали двойные и тройные ренты, то на каком основании можно думать, что они не захотят заплатить умеренной ренты, в надежде приобрести те же земли в собственность? Но если бы даже английскому государству с его громадными богатствами пришлось приладиться за обнищальй и обездоленный ирландский народ, то это было бы только маленькою расплатою за тот колоссальный грабеж, который произведен был в XVII в. Нам говорят, что то было 200 лет тому назад, что это дело покрыто давностью... Но для народа нет давности; его судьбы не развиваются в течение одного человеческого поколения, а потому грядущим поколениям всегда приходится развивать или исправлять то, что сделали их предки и, волей-неволей, переживать последствия их ошибок, а равным образом и пользоваться плодами их мудрости. Уж если пошел вопрос о давности, то припомним, что она создается спокойным и бесспорным владением. А когда же был для Англии хоть один момент такого бесспорного и спокойного владения? Когда же был момент, когда бы она не слышала со стороны Ирландии протеста против совершенного захвата. Такого момента не было. Давность еще не наступила.

По всей вероятности, идея Гладстона о наделении ирландцев землею осуществится, и мы имеем прецедент, на основании которого можем думать, что эта реформа пойдет хорошо. Когда продавались церковные имущества, то из 8 032 церковных ферм 6 057 были куплены ирландскими арендаторами. Мы можем догадываться далее, что ирландское землевладение, подобно нашему русскому, примет общинный характер, так

как ирландский народ выказал во многих случаях большие способности к совокупным усилиям и действиям, и, кроме того, в нём еще не умерла память о его древней общинной организации.

Не настаивая на наших догадках, мы обратим наше внимание на значение исторических судеб Ирландии в теоретическом отношении. О религиозном вопросе не будем говорить, так как едва ли есть еще просвещенные люди, которые бы сомневались в значении принципа веротерпимости и не осуждали бы религиозных преследований. Остановимся на национальном вопросе. XIX столетие есть период национальных стремлений, и в настоящее время вопрос о национальности становится в такое же положение, в каком некогда стоял вопрос о вероисповедании. Как прежде стремились обратить всех подданных государства в одну веру, так теперь господствующая национальность в государстве стремится поглотить другие и, оправдывая себя положением, что политическое единство невозможно без единства национального, старается искусственно претворить в себя подчиненную национальность, не останавливаясь и перед насилием. Историческая судьба Ирландии представляет наглядно и тщету и бесполезность таких притязаний. Если народ живуч, то господствующая национальность не сотрет его особенности и в результате своих усилий претворить его в себя получит только ненависть и больше ничего. Если, чего можно ожидать, состоится примирение между Англией и Ирландией, то это будет служить лучшим доказательством того, что даже враждебные национальности могут потушить свою вражду взаимно справедливым отношением и создать прочное политическое целое. Англия с её всесветными владениями, с многомиллионным населением стоит накануне образования громадного федеративного государства. В этой федерации займет свое определенное место и автономная Ирландия. Осуществление федеративного принципа в таком громадном масштабе и в таком старом государстве, как Англия, даст огромный толчок политическому развитию европейского континента, на котором с легкой руки Франции до сих пор начало централизации пользуется громадным и не всегда справедливым кредитом.

Обращаясь, наконец, к разрешению в Ирландии аграрного вопроса, нельзя не остановиться на его принципиальном значении. Англия доселе может считаться представительницею не только крупного землевладения, но и абсолютной поземельной собственности. Недостатки этого режима не так чувствуются англичанами, но, несомненно, они существуют. Ясным доказательством тому служит агитация теперешнего члена парламента Арча, программа которого выражена словами; «два акра и корова». Более чувствуются недостатки поземельных отношений в Шотландии. В книге Джорджа о национализации земли⁶ мои слушатели найдут яркие картины, рисующие ненормальность тамошних поземельных отношений. Разрешение поземельного вопроса в Ирландии, несомненно, даст толчок к реорганизации земельных отношений в Англии и тем самым послужит началом падения принципа абсолютной поземельной собственности и к торжеству противоположного принципа, по которому владение землей должно находиться под контролем общественным и подчиняться воле общества. Так как в конце концов земля составляет основание деятельности человека и его жизни, то ясно, что то или другое решение вопроса о ней имеет общественное значение первостепенной важности.

После всего сказанного, едва ли мне нужно уверять, что я решился беседовать с Вами об исторических судьбах Ирландии не потому только, что они представляют современный интерес. Это соображение было. Но для меня имели гораздо большее

---

⁶ Содержание этой книги реферировано С. Н. Южаковым в Отеч. Зап. 1884 г., №№ 1 и 2.

значение те общие начала, которые связаны с историей Ирландии и на которые мне хотелось обратить ваше внимание в надежде, что они интересуют вас так же, как и меня.